

Часть вторая
Христианство Христа

Глава VI
Ветхозаветное наследие
в христианстве

После разрушения Иерусалима разрыв христианства с иудейскими традициями стал свершившимся фактом, и внутренняя связь христианства с иудейством распалась сама собою. Острота противостояния между иудеохристианами и христианами-эллинистами, последователями Петра и последователями Павла отошла в прошлое. С крушением престижа Иерусалима основы иудаизма уже не имели реального значения, и сохранение их в христианстве не влекло за собой признания всего иудейского мировосприятия. В результате актуальное некогда противостояние между ветхозаветным и новозаветным мышлением постепенно сменилось на противостояние в рамках уже новозаветного мышления, но теперь уже между *сущностью* и *формой* христианства, между его мистическим и профанным содержанием, между диалектиками и догматиками.

За христианами-мистиками было богатство всей восточной традиции, её таинства и мистерии, высочайшая греческая философия. За сторонниками же массовости и буквализма — лишь то, что веками с отвращением взирало на эллинский мир, а именно — *ветхозаветный йахвизм*.

С привнесением в христианство ветхозаветных атавизмов с епископальной церковью произошла удивительная метаморфоза. Догматизаторы этой церкви, оставаясь эллинистами, и так же, как и прочие эллинисты, проповедуя отмену Христом ветхозаветной обрядности, вознесли внешние формы жизни Иисуса (его воспитание в иудейской традиции, еврейское происхождение по матери и пр.) в ущерб сокровенному значению его Учения. Тó, что Иисус говорил только окружающим его евреям, то есть на понятном им языке и с использованием строк из их же Писания, — догматики церкви приняли за признак национальной праведности. В действительности же этот народ был серьезно болен. Йахвизм, доктринально оформившийся, вероятно, за два-три века до рождения Иисуса, был использован его апологетами против естественного, врожденного человеческого качества взаимосоотрудничества и кооперации. Какими бы историями ни были заполнены ветхозаветные книги, у каких бы народов эти истории ни были почерпнуты, йахвизм постарался из всех из них извлечь выгоду — самовозвышение «своих» за счет принижения «прочих». Такой подход совершенно противоречил Закону Природы. Абсолютизация какого-то одного рода, культивирование розни между родами противоречит единству и целостности мироздания. В Природе доминируют процессы созидания, а не разрушения. В противном случае мир давно развалился бы. Локальное преобладание процессов разделения и разрушения является исключением из правила, оно ограничено во вре-

мени и присуще только патогенным злокачественным образованиям, а в животном мире — миру паразитов. В целом же в Природе процессы противостояния и разрушения (разделения) допускаются только в силу общего эволюционного движения («плана») и лишь до тех пор, пока они не начинают преобладать над общим вектором созидания. Ведь даже на лесной поляне среди различных растений наблюдается не столько борьба за существование, не столько стремление уничтожить соседей, сколько взаимоподдержка и кооперация, подпитка слабых ради сохранения целостного здорового баланса. Только при нарушении природного баланса образуются раковые опухоли, подобные болотам и пустыням. Так, демонстрируя принцип сотрудничества, превалирование интересов целого над интересами части, ведут себя не только клетки человеческого тела, но и планета в Солнечной системе, Солнечная система в Галактике и т.д. Лишь раковая опухоль пожирает питающий её организм и уничтожает заложенное Природой энергетическое равновесие. *Йахвизм* как доктрина является разновидностью противодействия общеэволюционным процессам мироздания. Это объясняет, почему в понимании гностиков Ветхий Завет, постулировавший йахвистское разделение, и божество, его вдохновлявшее, воспринимались в апокалипсически-мрачных тонах.

Исследователей истории официальной церкви всегда озадачивало парадоксальное сочетание глухой ненависти к евреям — в этом преуспели и Восточная, и Римская церкви — с пиететом к Ветхому Завету и «богоизбранности» евреев¹. Это один из самых щекотливых вопросов в христианстве, о котором обычно богословы стремятся не говорить.

В действительности, уже для многих ранних христиан, которые родились вдали от Палестины, были воспитаны в эллинских традициях, Ветхий Завет совершенно утратил или, вернее, уже не имел того духа и смысла, какой он имел во все времена для самих евреев. Немалую роль здесь сыграл и греческий перевод Писания (Септуагинта), выражавший, как было сказано ранее, фактически идеологию новой религии, адаптированную к эллинизму. Таким образом, в доктринальные основы христианства контрабандным путем, вопреки Учению Христа, проник иудаизм, причем в весьма гипертрофированном виде. Такой иудаизм, насильственно оторванный от исторических общинных условий иудейства, лишенный национального духа, приобрел в церковном христианстве особое,

¹ 1 Фес 15.

«абстрактно-мистическое» значение. Еврейское Писание, утратившее на чужеродной эллинской почве свой первоначальный смысл национально-религиозной истории, теперь развернулось перед христианским мышлением символической поэмой вечного Богоискательства, которого там, за исключением текстов отдельных пророков, не было и в помине. Ведь сама принадлежность к семени «богоизбранных» и совершённое обрезание делали излишним какое-либо Бого-*искательство*. Церковные экзегеты, вытесненные из недоступной им области мистицизма «языческого» мира, будучи за свои поверхностные знания в сакральных науках постоянным предметом насмешек как со стороны «языческих» философов, так и со стороны христиан-гностиков¹, вынуждены были весь пыл своей не реализованной религиозной энергии обратить на оболочку символов. К сожалению, среди этих внешних символов центральными оказались как бы уже отвергнутые символы иудаизма. Как это бывает при создании любой ритуалистической религии, то есть когда внутреннее содержание подменяется внешним замещением, догматизаторы постарались насытить буквальное значение непонятных им ветхозаветных образов аурой особой святости. В результате разрушенный римлянами *Иерусалим*, переставший к этому времени быть реальным понятием национальной столицы иудейства, для христиан обратился в метафизический символ неземной отчизны человеческого духа вообще; *Сион*, земля иудейского *обетования* — оказался достоянием общечеловеческой мистики, превратился в туманные грезы о мире ином; поэзия национально-ориентированных древнееврейских псалмов вдруг обнаружила выражение всяческих порывов общечеловеческого духа к Неведомому, собрав всю мистику мировой тоски². И наоборот, лучшие достижения античного мира, которые традиционно отвергала ветхозаветная заносчивость, были оклеветаны и принижены. В результате как ветхозаветное, так и античное наследие в представлении христианских теологов стало больше напоминать мир искаженного зазеркалья. Малое и еле просматривающееся стало видиться большим и цветущим, а огромное и прекрасное — мелким и примитивным.

Д.Д.Данн показал, как происходила доктринальная подмена идеалов древнего христианства на текстологическом уровне: «Столкнувшись с реальной угрозой того, что маркиониты и вален-

¹ Содержание критики см., например, у Цельса, Порфирия, Юлиана (Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990).

² Николаев Ю. В поисках Божества. Киев, 1995. С.81-82.

тиане “приберут к рукам” Павла, они (отцы церкви) должны были продемонстрировать в споре его ортодоксальность (как они её понимали. — *А.В.*). Но в реальности получилось так, что использовать Павла для защиты ортодоксии они могли лишь *искажая* его в большинстве этих вопросов...»¹.

Последователи *христианства Павла* заявляли, что отстаивают истину, невзирая на отдельные авторитеты так называемых «апостольских церквей», ибо Павел в Послании Галатам тоже писал:

“Мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас. И в знаменитых чем-либо (иерусалимских апостолах. — *А.В.*), какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые (Петр, Иоанн и Иаков. — *А.В.*) не возложили на меня ничего более (т.е не могли дать никакого апостольского правопреемства. — *А.В.*)” (Гал 2.5-6)

«Пытаясь опровергнуть...(антидиктаторское) истолкование этого отрывка, — пишет Д.Д.Данн, — Иринеи и Тертуллиан отвергли обычное его прочтение и следовали редкому вариантному чтению, опускающему отрицание:

“им мы уступили и подчинились на время”.

Другими словами, — делает вывод Данн, — с этим истолкованием они (Иринеи и Тертуллиан) могли построить свое утверждение о том, что Павел в конце концов подчинился авторитету иерусалимских апостолов...

Отцов (церкви. — *А.В.*), — продолжает Данн, — обычно поражала сила контраста, проводимого Павлом между (ветхозаветным. — *А.В.*) Законом и Евангелием... Они были готовы идти на любые экзегетические средства, сколь бы натянутыми те ни были, чтобы предотвратить истолкование Павла в маркионовском (антиветхозаветном и антииудейском) смысле»². Кирилл Иерусалимский, например, объявил, что Павел будто бы, наоборот, был гонителем христианства только до тех пор, пока не понял, что оно не отменяет, а исполняет ветхозаветный Закон. Пелагий доказывал, что Павел написал свои послания, чтобы показать своё согласие с законом Моисеевым. Но много чаще использовалось доказательство, будто Павел понимал Закон как наставника, ожидающего прихода Христа.³

¹ Данн Д.Д. Единство и многообразие в Новом Завете: исследование природы первоначального христианства / Пер. с англ. М., ББИ, 1999. С.315.

² Там же. С.316.

³ Там же.

«Короче говоря, — резюмирует Данн после приведенных им примеров, — во всех этих важных моментах спора между гностицизмом и возникающей ортодоксией Отцы могли сохранить Павла в рамках великой Церкви лишь путем неправильного его толкования»¹. Другими словами, то, что не удалось в посланиях Павла подделать текстуально в более ранние времена, впоследствии было извращено с помощью толкования. «Лишь с Иринея (Лионского), — отмечает Данн, — ортодоксия стала предпринимать решительные усилия к тому, чтобы вырвать богословие Павла из рук еретиков. Но при этом вырисовывался Павел Пастырских посланий (откорректированных или скорее написанных после смерти Павла)² и Деяний (апостолов. — *А.В.*). Павел, противостоящий ереси силой церковного Предания, с готовностью признающий авторитет Двенадцати (апостолов), не знающий разрыва с Иерусалимом. Павел, чья антитеза (ветхозаветного. — *А.В.*) Закона и благодати (Откровения. — *А.В.*) была приглушена, а центральное учение об оправдании благодатью через веру еле заметно. “Цена, которую должен был уплатить апостол язычников (Павел), за право остаться в Церкви, состояла в полном отказе от своих личных особенностей и исторического своеобразия” (Бауэр. Orthodoxy, p.227)»³.

Если хоть в какой-то мере допустить, что за Священными Писаниями при их создании стояло нечто большее, нежели только человеческий гений, возникает вопрос о том, почему Священные Писания даются в конкретное время, конкретному народу и на конкретном языке. Что можно сказать в связи с этим о христианстве, особенно учитывая, что, согласно нашей концепции, оно появилось лишь через сто-двести лет после распятия Иисуса и сопровождалось быстрым отпадением от эллинистического христианства иудеохристиан? Новый Библейский словарь, например, отмечает, что «экстравагантные гипотезы, согласно которым всё Евангелия и часть Деяний апостолов были переведены с арамейского (т.е. что были написаны на родном языке апостолов. — *А.В.*), не находят

¹ Данн Д.Д. Единство и многообразие в Новом Завете: исследование природы первоначального христианства / Пер. с англ. М., ББИ, 1999. С.316.

² Д.Д.Данн и ряд других ученых (см.: Новый Библейский словарь, ч.1, с.250) доказывают, что Пастырские послания ап. Павла (1-2 Тим, Тит) написаны уже после смерти Павла и в них отстаивается несвойственный Павлу примат церковного управления и особая роль епископата. А.Гарнак, например, пишет: «ап. Павел, трудно узнаваемый в Пастырских посланиях...» (Гарнак А. История догматов // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001, с.164). — *А.В.*

³ Данн Д.Д. Там же. С.320.

широкого признания среди исследователей... Павел пишет на греческом языке... Различия в стиле Посланий к Ефесянам, Тимофею, Титу и Филимону столь существенны, что многие решили, что они принадлежат не Павлу... Послание к Евреям написано на очень изысканном греческом языке человеком, хорошо знакомым с трудами (греческих. — А.В.) философов»¹.

Мудрецами Востока о явной неслучайности языков, на которых давались Учения в различные эпохи (Веды, Авеста, буддистские шлоки, Новозаветные заповеди и др.), говорится:

“...При изучении Наставлений следует иметь в виду не только содержание их, но и язык, на котором они даны. Учение дается не без причины на определенном языке. Можно исследовать все Учения от давних времен и понять, что данный язык показывает, какому народу надлежит проявить ступень восхождения.

Иногда полагают, что Поучение дается на том языке, который ближе получателю, но такое пояснение недостаточно. Нужно наблюдать причины во всей их полноте. Ничто не бывает случайно. Получатель Учения не случаен, и язык избран по надобности.

Можно видеть, как Наставления давались на разных языках, и всегда эти условия соответствовали важным обстоятельствам, которые имели и мировое значение. Так, язык, на котором дается Учение, — своего рода дар известному народу. Не подумайте, что тем самым Учение теряет мировое значение. Каждая истина общечеловечна, но каждый период имеет свое задание, и каждый народ имеет свою обязанность” (Надземное, § 468)².

На каком же языке было дано Учение Христа? Мы знаем, что древнейшее наставление, называющееся «Веды», было получено на заре человечества так называемыми *ариями* (совершенными) и что оно в той или иной мере до сегодняшнего дня определяет духовные начала иных мировых учений. Учение Будды было произнесено на языке северных индусов, и именно им было уготовано стать учителями Пифагора, Платона, Дария Гистаспа, Александра Македонского и других величайших мыслителей и реформаторов человечества. Именно один из царей династии Мориа, через три века после смерти Будды, объединил индийские разрозненные царства в единое мощное государство и разослал буддийских монахов во все концы мира для распространения Дхармы (законоположеннос-

¹ Новый Библейский словарь. В двух частях / Пер. с англ. Ч.2. СПб., 2001. С.994-996.

² Надземное. 1938 // Агни-йога. Т.IV. М.: Сфера. 1999. С.413.

ти бытия) и основанного на ней Учения Будды. Один из легендарных Зороастров принес персам обновленное Учение Заратуштры, и через несколько веков после этого персы образовали одну из первых мировых империй, распространяя свою религию на громадные пространства. Надо думать, что в основании расцвета цивилизаций Древней Индии, Древнего Египта, Шумера, Древней Греции, Древнего Китая и архаичной Америки лежали соответствующие Священные Писания, данные на языках создавших эти блестящие цивилизации народов. Даже Библия сообщает, что культура израильтян после получения Законов Моисея поднялась на невиданный до сей поры уровень, обеспечив по сути формирование нового этноса — *еврейского народа*. То есть религиозное Учение, данное на языке соответствующего народа, становилось одновременно и мощнейшей побудительной силой для грандиозных социальных преобразований, способствовало благоденствию, процветанию и культурному возрождению. Но тогда спрашивается, если считать христианское учение прозвучавшим на еврейском (или арамейском) языке, почему же после этого через два столетия евреи вместе со своим государством практически исчезли с исторической арены и вместо того, чтобы по общеисторическим законам стать ведущим культуuroобразующим фактором новой эпохи, превратились в изгоев и париев, ненавидящих Учение, которое стало основой нового мира и которое было дано на их родном наречии? В великой христианской цивилизации, возникшей на достижениях античного мира, не обнаруживается ничего созидательного от этноса, которому, казалось бы, было передано Учение, легшее в основание этой самой цивилизации. Вместо этого мы видим талмудические оковы, реакционный национализм и судорожные попытки сохранить остатки богоотвергнутого народа. Как же так? Безусловно, нельзя игнорировать приход Иисуса именно в еврейском народе и заметное, хотя и специфическое, присутствие представителей еврейского народа на различных этапах эволюции христианской цивилизации. Но разве это присутствие является доминирующим и разве ему, а не собственным народам Рим и Византия обязаны своим могуществом и процветанием?

Не на греческом ли языке и не спустя ли *годы* после смерти исторического Иисуса было дано миру новое Учение? Не являлись ли язычники-эллины, чуждые ветхозаветной доктрине, именно тем кругом, в котором и прозвучало христианское Откровение? Не было ли ими получено Откровение именно *на своем родном языке*, который записывающий не просто знал, но на котором, прежде

всего, *мыслил*?¹ Ведь сколько бы человек ни знал языков, мыслит он обычно в идиомах родного наречия².

Вот что говорил Адольф Юлихер³ о творчестве неизвестного автора, явно не еврея, так называемого *теолога-Иоанна*, написавшего Четвертое Евангелие. (Заметим, что так называемые *иудаизмы* Павла, о которых говорит Юлихер, — результат поздних церковных вставок).

“Все же *одна* оригинальная личность встречается в этой группе... (христианских) работников; это — тот неизвестный, который написал четвертое Евангелие и, вероятно, также первое послание Иоанна. Не подлежит никакому сомнению, что эти два произведения возникли во II веке в Греции и были приписаны переселившемуся в Азию апостолу Иоанну⁴. (Далее в тексте «Иоанном» называется этот неизвестный богодухновенный автор. — *А.В.*). Несомненно также, что их... хотели представить как истину высшего порядка⁵. Их характеризует частью некоторая зависимость от древнейших евангелий и от Павла, частью некоторая противоположность им, но не враждебная, а в смысле дальнейшего окончательного разъяснения сокровенного... У «теолога» Иоанна (далее отмечено *курсивом*. — *А.В.*) мы находим дальнейшее развитие мыслей Павла; он говорит о евреях только в третьем лице, как о приверженцах чуждой религии...

¹ А.В.Карташев отмечал, что «священные писатели были вполне живыми людьми, с индивидуальными свойствами ума, местной культуры, ограниченных знаний, с разным искусством писательства, владения языком, стилем и т.п., а не безличными автоматами, через которых прямо, нечеловеческими словами вещал Дух Божий. Такое представление святые отцы резко отвергали как монтанистское суеверие» (Карташев А.В. Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет // Сб.: Карташев А.В. Церковь. История. Россия: Статьи и выступления. М., 1996, с.38).

² Сказанное восточным мудрецом о *языках*, на которых давались Писания, между прочим, побуждает нас задуматься о том, не является ли XX век таким же, как первое столетие христианской эры, поворотным для судеб по меньшей мере двух третей человечества? И если это так, то особенно важно понять, какой народ в XX веке стоял в центре всех событий и благодаря какому народу, его жертвенности и подвигу, мир оказался искуплен и сохранен? Отвечая на эти вопросы, можно выявить и тот *язык*, на котором удостоено в наступившей новой эпохе прозвучать *Новому Завету*. — *А.В.*

³ А.Юлихер принадлежит к либеральной протестантской теологии, представленной такими учеными, как Гарнак и Хольцман.

⁴ Апостол Иоанн написал Апокалипсис — явно каббалистическое произведение. Совершенно иной язык и образ мысли демонстрирует «Иоанн» — автор Четвертого Евангелия. — *А.В.*

⁵ *Иоанн*, автор Четвертого Евангелия, как мы показали, не имеет никакого отношения к апостолу Иоанну, автору Апокалипсиса.

Всякие рассуждения о значении Моисеева закона, с его точки зрения, излишни, так как вся благодать исходит от Христа и зависит от веры. По-видимому, *Иоанн* еще больше, чем Павел, настаивает на спиритуализме, презрении к плоти и ко всему тленному. Наиболее важные в историко-религиозном отношении следующие пункты: *Иоанн* с тонким тактом устраняет большую половину теологических конструкций Павла, которые, являясь настоящими плодами еврейской учености, скорее должны были оттолкнуть, чем привлечь эллинскую мысль... Тем энергичнее защищает он мистическую веру в Христа: Христос в нас, и мы в нем, подобно виноградным лозам в винограднике. Эту Христову методику он развивает и дальше, доходя до воззрений, близких к пантеизму, и до убеждения, что в мире почти нет места для действительного существования зла.

С другой стороны, однако, он облегчает читателю возможность представить себе вознесенного Христа торжественно восседающим одесную Отца и в то же время наполняющим сердца верующих. По учению *Иоанна*, воскресши, Христос оставляет на земле Своего заместителя — Параклета¹, небесного духа-помощника. Хотя Параклет не будет ничего черпать из себя, а получит все от Сына, он все же является принципом прогресса, так как он будет провозглашать в свое время то, что Христос изначала не считал нужным сообщить человечеству. Идея эта имела громадное значение; она оправдывала все дальнейшее развитие христианства в будущем, приспособление его к новым истинам. С точки зрения неизвестного автора разбираемых произведений (*Иоанна*), исторический Иисус, т.е. Иисус синоптических евангелий, не сказал еще последнего слова откровения (т.е. передача учения Нового Завета еще не завершилась эпохой исторических апостолов и продолжается новыми авторами. — *А.В.*). Эсхатологических тенденций (о последних временах. — *А.В.*) у *Иоанна* не замечается; время исполнения пророчества (о Втором Пришествии Христа. — *А.В.*) наступило уже в данный момент для всех обладающих Христом; это завершение, как нечто духовное, как полное слияние с Богом — «лицезрение Бога», не связано ни с ка-

¹ *Параклит* (параклет), греч. *parakletos* — утешитель. В Евангелии от Иоанна говорится: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам... Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне...» (Ин 14.16, 26; 15.26). В гностицизме, а также у монтанистов и в других раннехристианских сектах *Параклет* понимался в значении носителя духовного начала мира, Спасителя, с приходом которого утверждается царство духа. Позднее это имя стало претенциозно отождествляться с основателем секты монтанистов. — *А.В.*

ким определенным местом: вера и надежда здесь почти совершенно сливаются воедино.

В учении о Христе *Иоанн* идет дальше Павла, приближая Христа к Богу; «все, что принадлежит Отцу, принадлежит и Мне», — говорит у него странствующий по земле Иисус, а также «Аз и Отец едино есмы». Одновременно с этим *Иоанн* придает еще не воплотившемуся Сыну Божию новое значение в небесной иерархии: Он есть «Логос», не только первенец среди многих братьев, но единственный («единорожденный»), не только первый из созданий, но Тот, Который уже существовал изначально: божественная премудрость, мировая идея; не только идеал человека, но жизнь и свет, изначально у Бога пребывающий, сам — Бог. Однако Отец есть «Бог вообще», а Иисус — просто Бог. Неустанно повторяется, что все, чем обладает Иисус, Им получено от Отца, что Он послан Отцом в мир для того, чтобы тем людям, которые не всецело принадлежат миру, а наделены некоторыми свойствами Логоса, свидетельствовать об Отце, чтобы этим путем людьми овладела любовь высшего порядка, подобная той, которая существует между Отцом и Сыном. *Иоанн* неохотно принял бы установленный позднее в Никее догмат единосущности Отца и Сына, так как ему необходимо было удерживать различие между Ними, разницу, существование которой только и объясняет ему земную жизнь Логоса¹. Бога никто никогда не видал, и для того, чтобы люди могли найти путь к Богу, Логос, познавший Отца, как Самого Себя, и по Своему существу не столь удаленный от видимого мира, обязанного Ему своим существованием, должен был стать плотью, жить среди нас и показать нам *Свою* славу, через которую просвечивает полное величие Отца. *Иоанн* сделал громадную уступку эллинской мысли (так считает А.Юлихер. — *А.В.*), введя понятие о Логосе, заимствованное им из греческой философии. Это построение внушало уважение крупнейшим из греческих философов, которые насмешливо относились к еврейским разрядам ангелов и войскам демонов. Простота, с которой *Иоанн* лишь констатирует воплощение идеи (собственно говоря, воплощение Божества в той Его части, которая обращена к миру, мирового плана, как объекта Божественного восторга и субъекта Божественной созидательной деятельности), без размышления о способах этого воплощения и сомнения в возможности его, носила более величавый отпечаток, чем поддельная под народные вкусы греков полумифологическая попытка Матфея и Луки (вернее таких корректоров, как Иринеи Лионский. — *А.В.*) объяснить дуализм

¹ О различении *Бога* и *Христа* в представлении древних христиан см. «Кумран и Христос», глава IX.2 «Природа Христа».

Христа, его Богочеловечность, из акта Его происхождения. Если Христос есть главный объект христианской веры и высота религиозного учения определяется высотой Его объекта, то *Иоанн* своим учением о Логосе смелее всех защищает божественность христианской религии; его теория Логоса не позволяла ему в то же время забывать, что для нас нужны не только всемогущество, правдивость и справедливость в нашем Боге, но что прежде всего и более всего для нашей религии и нравственности необходима любовь”¹.

На Евангелие Евреев, бывшее в ходу до конца IV в.² и ставшее, судя по всему, источником синоптических евангелий, ориентировались эбиониты, назареи, кумраниты, Петр и пр.³ Евангелие же от Иоанна было, наоборот, принято эллинистами, в первую очередь так называемыми «гностиками». Вероятно, Иринею Лионскому стоило больших усилий решиться включить это Евангелие в церковный канон. Б.М. Мецгер сообщает, что «в Палестине широко известно было лишь Евангелие от Матфея, а в Малой Азии (колыбели христианства Павла. — *А.В.*) с самого начала пользовались только Евангелием от Иоанна...»⁴; и, наоборот, «на Западе Апокалипсис был принят со времен Иустина Мученика (сер. II в.), а на Востоке признание его натолкнулось на большие трудности»⁵. Совершенно очевидно, что на Востоке и на Западе весьма по-разному понимали христианское учение.

Апологеты церкви были заинтересованы в максимально широкой социальной базе христианства. Но обладая только Евангелием на арамейском языке (протоевангелием синоптиков), предназначенным в основном для иудеев (лиц, воспитанных и продолжающих жить в иудейской традиции), христианство замкнулось бы в тесном мирке диаспоры и еврейского изолированного квартала. Философия же Евангелия от Иоанна превращала христианство в вершину эллинистической мысли, а значит, открывало христианству широкую дорогу повсеместного признания.

¹ Юлихер А. Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.252-255.

² Мецгер Б.М. Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение. М., ББИ, 1998. С.168.

³ Евсевий пишет: «Матфей первоначально проповедовал евреям; собравшись же и к другим народам, вручил им свое Евангелие, написанное на родном языке. Отзываемый от них, он оставил им взамен себя свое Писание» (ЦИ. III.24.6).

⁴ Мецгер Б.М. Там же. С.257.

⁵ Там же. С.253.

Имена тех, кто оказался опорой и распространителями эллинистического христианства, за исключением ап. Павла и нескольких христиан-гностиков, история не сохранила. Подобное бывает весьма часто, когда великие события происходят как бы сами собой, либо же их вдохновителями и проводниками называют фигуры, которые больше являются идолами для поклонения, культовыми символами, нежели реальными вершителями и созидателями. Но это совсем не значит, что грандиозные события не имеют своих подлинных героев, хотя их имена иногда остаются у хронистов незамеченными.

Проповедь Павла среди эллинов должна была стать несравненно более успешной, чем в Иудее. Трудно представить более удачное сочетание условий в мире для распространения новой религии, нежели сложившиеся перед явлением Христа. Прежде всего, мир во многом был готов к принятию христианской вести благодаря греческой философии. Как писал С.Н.Трубецкой: «В древности метафизика¹ первая восстала против языческого многобожия и проповедала единого духовного Бога разумною проповедью. Метафизика приготовила всё просвещенное человечество древнего мира к разумному усвоению начал христианства»². Распространение эллинизма к тому времени по всему миру было тотальным, включая и расселение по всему миру самих греков. Даже крупные города Италии были ими переполнены. Римский поэт Ювенал (ок. 60—ок. 140) жаловался в одной из своих сатир, что в городе стало невозможно жить: кругом одни греки! О масштабах этого процесса свидетельствует, в частности, то, что на надгробиях рабов и вольноотпущенников археологи находят здесь чаще греческие имена, чем римские³. Империя Александра Великого, затем Птолеми и Селевкиды, Римская империя устроили границы между многими народами, создав благоприятные условия для взаимообмена верованиями и учениями. Упорство, с каким иудействующий Петр и иже с ним противились распространению христианской Вести в этом универсальном эллинском мире, только показывает глубину их непонимания движущих сил и перспектив истории. На фоне такого узкоплеменного кругозора апостол Павел, презревший ветхозаветные путы, выглядит поистине Гулливером.

¹ В лице лучших античных мыслителей. — А.В.

² Трубецкой С.Н. Собр. соч. Т. III. М., 1909. С.30-31.

³ Косидовский З. Библейские сказания; Сказания евангелистов. М., 1991. С.310.

Христианские церкви гностического или мистического направления наверняка имели не известные нам сегодня Священные тексты и Священное Предание, согласно которым первоначальное христианство не было ограничено пределами синагог и еврейских общин. Пример буддизма и парсизма (зороастризма) показывает, что новые религии легко распространялись среди этнически разных народов. Христианизация той же Европы произошла благодаря деятельности отнюдь не иудеев. Почему же нужно полагать, что первыми христианскими общинами за пределами Иудеи были исключительно общины еврейской диаспоры? В лучшем случае в еврейских кварталах доминировали сторонники Петра, но последователями и сторонниками Павла — апостола язычников — должны были стать вчерашние язычники. Понятно, что все свидетельства об иной истории возникновения христианства последующие защитники церковной «апостольской преемственности» должны были уничтожить. В результате сложился односторонний миф, который и сегодня выдается за правду. Так, философ и историк В.Дюрант (1885 — 1981), следуя укоренившемуся стереотипу, пишет:

“Его (Петра) миссии в Малой Азии и Риме, должно быть, способствовали сохранению в христианстве многих элементов иудаизма. Через посредничество Петра и других апостолов оно унаследовало иудейский монотеизм, пуританизм и эсхатологию. Благодаря им и Павлу Ветхий Завет стал для христиан первого столетия нашей эры единственной Библией. До 70 г. христианство проповедовалось преимущественно в синагогах и среди евреев. Форма, церемониал и культовые облачения иудеев перешли в христианский ритуал. Пасхальный жертвенный ягненок был сублимирован в образе *Agnus Dei* — искупительного Божественного Агнца католической мессы. Назначение старейшин (*presbyteri*, «священники»), которым поручалось руководить церквями, было перенято из иудейской практики и управления синагогами. Многие иудейские праздники — например, Пасха и Пятидесятница — были приняты в христианский календарь, хотя их содержание и время проведения были изменены. Иудейское рассеяние способствовало стремительному распространению христианства; частые выезды евреев из города в город, их связи со всеми уголками Империи наряду с торговлей, римскими дорогами и римским миром открыли путь набирающему силы христианству. В лице Христа и Петра христианство было иудейским; в лице Павла оно стало наполовину греческим...”¹.

¹ Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С.627.

Удивительно, но за исключением, быть может, *Пасхи, Пятидесятницы* и признания Дюрантом *грецизации Павла*, все остальное, сообщенное о раннем христианстве, представляет собой церковный вымысел. О псевдомонотеизме и подлинном моральном облике предхристианского иудаизма, о его первосвященниках и фарисеях мы подробно рассказывали в книге «Кумран и Христос». Там же, в соответствии с достижениями сравнительного религиоведения, показывались отнюдь не иудаистские истоки христианской обрядности и ритуала. Устройство братских общин известно было у ессеев, терапевтов и кумранитов, которые в свою очередь восприняли эту практику от буддийских миссионеров¹. Вполне возможно, во II в. н.э. иудаистский элемент в связи с проникновением в догматическую церковь доктрины Ветхого Завета стал усиливаться, однако нет оснований считать ранних последователей Павла в какой-либо мере зараженными иудейской практикой и идеологией. Принятая в церкви история раннего христианства не является историей в прямом смысле этого слова, а представляет собою дополнение к сооруженной догме.

¹ Один из родоначальников современного сравнительного религиоведения, Макс Мюллер, о сходстве атрибутики в буддизме и христианстве писал: «Покойный аббат Хак (бывший папский миссионер среди тибетцев. — *А.В.*) указал на сходство между буддийскими и католическими церемониями с такою наивностью, что, к своему удивлению, обнаружил, что его прекрасная книга *“Путешествия по Тибету”* помещена в *“Указателе”* (перечень запрещенных церковью книг. — *А.В.*). “Нельзя не поразиться, — он пишет, — их великим сходством с католическими обрядами. Посох епископа, митра, далматик, круглая шляпа, которую великие ламы носят во время путешествий... мессы, двойной хор, пение псалмов, изгнание духов, кадилница с пятью цепями к ней, открывание и закрывание по желанию, благословения лам, которые стирают свою правую руку над верующими, четки, девственность духовенства, эпитимию, уединения, культ Святых, пост, процессии, литания, освященная вода — таковы сходства буддистов с нами”. Он еще мог бы добавить к этому тонзуры, реликвии и исповедальни» (Макс Мюллер. *Chips of a German Workshop*. V.I., p.187). Буддизм возник на пять столетий ранее христианства и к I в. н.э. проделал громадный ритуалистический и мифотворческий путь, выработал основы культа, имел развитый монастырский Устав и т.п. Поток заимствований протекал исключительно от буддистских общин к христианским и есеевским, но никак не наоборот. Предполагается, что ессеи, терапевты и кумраниты принципы монашеской организации усвоили от буддийских проповедников, в свое время разосланных царем Ашокой по всему миру. Е.П.Блаватская, ссылаясь на Плиния (23–79 гг. н.э.), заявляет, что «буддийские миссионеры... по словам Плиния, обосновались на берегах Мертвого моря задолго до его времени» (Блаватская Е.П. *Разоблаченная Изида*, т.2, с.130). См. также в нашем исследовании с. 259, 281, 404, 412, 414, 416, 420, и: Владимир А. Кумран и Христос. М., 2002. С.91, 94, 609-610.

В результате, согласно церковной версии, получилось, за неимением прочих свидетельств, что среди распространителей нового учения оказались одни евреи и их первые проповеди за пределами Иудеи происходили якобы в одних синагогах. Но иудеи древнего мира всегда жили сплоченно и изолированно, причем окружающие их народы проникались неприятием к «богоизбранному народу», можно сказать, вместе с молоком матери¹. Как же могли иудеи, так называемые «руководители церквей», при крайней неприязни населения к евреям, равно как при их высокомерном представлении о мировой пастырской роли евреев, при их мелочном соблюдении всех предписаний иудаизма, преодолеть отчуждение окружающих народов и создать всемирное христианское братство? Известно, что ессеи, терапевты, кумраниты, эбиониты (наиболее вероятные потомки последних учеников и родственников Иисуса Христа) — в основном жили замкнутыми общинами. Таких израильтян, последователей Иисуса Христа, как апостол Павел, т.е. восставших против иудаизма, расширивших свое сознание и полностью избавившихся от ветхозаветного наваждения, были единицы, но никак не сотни и не тысячи. Те, кто вышел из иудаизма и перестал считаться с ветхозаветной обрядностью, по убеждениям становились эллинистами, в культурном смысле — эллинами, т.е. лицами, не считающими себя отделенными от прочего человечества. Поэтому искомые сотни и тысячи, подготовленные эллинской культурой к восприятию христианства, были как раз представителями самых различных национальностей Империи, не закрепощенных узостью взглядов и верящих в будущее, а вовсе не фанатичными поборниками «избранности» и «обрезания», бесконечно цепляющимися за ветхозаветное прошлое.

Разумеется, среди эллинистов (эллинистических христиан) Ранней церкви отношение к иудеям, «распявшим Христа», и к ветхозаветной культуре должно было быть более чем настроженным. Должен был появиться громадный пласт христианской литературы антиветхозаветной направленности, от которой до нашего времени сохранилась лишь малая часть. Эти произведения условно можно разделить на три категории: 1) фрагменты, сохранившиеся до сих пор в каноническом корпусе церкви; 2) трактаты, изъятые впоследствии из канона, и, наконец, 3) гностические (тайные) и прочие апокрифические тексты.

¹ См. Гл. IV.4.

1. Антиветхозаветные произведения, ранее признававшиеся церковью

Одним из произведений, впоследствии вычеркнутых из перечня церковной литературы, является *Послание Варнавы*, как считается, спутника и единомышленника Павла. Первоначально данное Послание включалось в канон Нового Завета (в Синайском кодексе IV в., обнаруженном Тишендорфом, он помещен после Апокалипсиса). Климент Александрийский считал нужным написать к нему комментарий в своих *Гипотипосах*, ныне утраченных. Ориген называет это Послание соборным (т.е. не частным, а для всех церквей. — А.В.)¹. «И Климент Александрийский, и Ориген высоко ценили его, приписывая Варнаве, спутнику и сподвижнику апостола Павла»², — пишет проф. Б.М.Мецгер. Правда, уже Евсевий Кесарийский по причастности к канону относил это Послание к разряду спорных (ЦИ. III.25.4; VI.14.1), но не еретических. Б.М.Мецгер отмечает, что Иероним «признает подлинность Послания, соглашаясь с тем, что оно написано спутником Павла и “ценно для духовного возрастания Церкви”, хотя и числит его среди апокрифических книг (De vir. ill. 6). Однако он дает понять, что считает *Послание Варнавы* почти, если не прямо, новозаветной книгой»³. Из содержания Послания следует, что апостол Варнава вряд ли был евреем, хотя «Деяния апостолов» (4.36) утверждают обратное. В конце концов это не важно, а важно содержание и мораль Послания.

Отец Александр Мень, давая теологическую характеристику этому удивительному раннехристианскому произведению, пытался доказать его якобы чуждость апостольскому духу, хотя иные церковные исследователи считали автора Послания именно *апостолом Варнавой*, спутником ап. Павла. О. Александр Мень писал:

“Первая часть (Послания Варнавы) направлена против сохранения в Церкви ветхозаветных обычаев. Вся история и установления Ветхого Завета объяснены аллегорически. Еврейский народ исключается из истории Домостроительства; все обетования, относящиеся к нему, связываются только с Церковью Нового Завета... Примечательно, что во второй части (Послания) явно прослеживается влияние учения кумранитов (два пути: путь света и путь тьмы)...

¹ Мецгер Б.М. Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение. М., ББИ, 1998. С.186.

² Там же. С.56.

³ Там же. С.233.

Вопрос об авторе и дате послания горячо дебатировался в XIX в. Если Неандер и Гарнак решительно отказывались признавать его автором апостола Варнаву, то патолог прот. П. Преображенский защищал его авторство. Архиепископ Филарет (Гумилевский) высказывался более осторожно, хотя и склонялся к мысли о подлинности послания...

Аргументы против авторства ап. Варнавы следующие:

(1) ...Автор уничижительно отзывается об апостолах (об Иакове, Иоанне и Петре, т.е. о главах иерусалимских иудействующих; подобным же, негативным образом к ним относился, как мы показали ранее, и ап. Павел. — *А.В.*)...

(2) «В описания иудейских обрядов он вносит такие добавления, неточности и ошибки, каких не мог допустить ап. Варнава, левит по происхождению, долго проживший в Иерусалиме» (И.В.Попов).

(3) Общая концепция Послания Варнавы... исповедует взгляд на Ветхий Завет радикальней, чем даже у ап. Павла...

(4) Автор говорит о себе и о своих читателях как о людях, для которых обращение к Закону было бы прозелитизмом; между тем Варнава, являясь одним из руководителей Иерусалимской церкви (и евреем), не мог так выражаться...

(5) «Автор относится с полным отрицанием к букве Ветхого Завета и признает его буквальное понимание делом сатаны. Эта точка зрения близко соприкасается с гностицизмом» (И.В.Попов).

Эти и другие соображения позволяют сделать вывод, что Послание Варнавы является александрийским памятником, отражающим период окончательного разрыва между иудейством и христианством и имеющим полугностический характер”¹.

Действительно, из послания Варнавы хорошо видно неприятие ранними христианами Ветхого Завета и иудейского культа, что полностью разрушает выдуманную много позже идиллию перерастания так называемой «ветхозаветной церкви» в новозаветную. Апостол Варнава, или, быть может, иной верный последователь ап. Павла, назвавшийся *Варнавой*, писал своим единомышленникам, предупреждая их об опасных заблуждениях иудействующих христиан²:

¹ Мень о.Александр. Библиологический словарь. Статья «Варнавы Послание». Нумерация наша. — *А.В.*

² Писания мужей апостольских. Рига, 1992 (репринт переводов Преображенского).

“Бог открыл нам чрез всех пророков, что Он не имеет нужды ни в наших всесожжениях, ни в наших жертвах и приношениях.

«К чему Мне множество жертв ваших, говорит Господь? Исполнен Я всесожжения овнов и тука агнцев, крови козлов и овнов не хочу. *Неприятно*, когда вы приходите являться пред Меня; ибо кто требовал этого от рук ваших? Перестаньте топтать двор Мой. Если приносите Мне пшеничную муку, — напрасно; курение мерзость для Меня. Новомесячий ваших и дня великого не терплю, постов, дней покоя и праздников ваших ненавидит душа Моя» (Ис. 1.11-14).

Итак, Господь упразднил это, дабы новый закон Господа нашего Иисуса Христа без ига необходимости представлял собственное человеческое приношение. Господь еще говорит к ним:

«Заповедал ли Я отцам вашим, когда они вышли из земли египетской, приносить Мне всесожжения и жертвы? Но вот что Я заповедал им говоря (Иер. 7:22-23): каждый из вас да не имеет злобы против ближнего своего и не любит клятвы ложной» (Зах. 8:17).

Итак, поелику мы не без разума, то должны понимать благую волю Отца нашего, ибо Он, желая взыскать нас блуждающих подобно *иудеям*, говорит нам, как мы должны приближаться к Нему. Он говорит нам:

«жертва Богу сердце сокрушенное, и *сердца* смиренного Он не презирает» (Пс. 50:19)”

(Посл. Варнавы, II).

“О *постановлениях Ветхого Завета Господь* еще говорит к ним (иудеям. — *А.В.*):

«Зачем Мне поститесь, чтобы ныне услышан был голос ваш с воплем? Не такой пост Я избрал, говорит Господь, чтобы человек томил душу свою без причины; и если бы ты изгнул выю твою наподобие круга, и облекся во вретнице и покрыл себя пеплом, и то не сотворил бы ты Мне поста приятного» (Ис. 58:4-5).

А к нам (чистосердечно верующим. — *А.В.*) Он (через Исайю) говорит:

«когда будете поститься, — разрушь всякий союз неправды и раздери всякую неправедную запись <...> Тогда ты воззовешь, и Бог услышит тебя, и когда еще говоришь ты, Он скажет: вот Я, — если отринешь от себя и союз и

совет злых и слово роптания, и от сердца дашь алчущему хлеб» (Ис. 58:6-10).

В этом, братья, открывается попечение и милосердие Божие, ибо Он людям, которых снискал для Возлюбленного Своего, определил веровать в простоте и уже прежде вразумлял всех нас *не обращаться*, подобно прозелитам, к закону Иудейскому (курсив наш. — А.В.)”

(Посл. Варнавы, III).

“Еще же, как брат ваш, любящий всех более души своей, я прошу вас быть внимательными к себе и не уподобляться тем, которые умножают грехи свои и говорят: завет иудеев (т.е. Ветхий Завет. — А.В.) есть и наш. *Он только* наш потому, что они потеряли навсегда то, что получил Моисей (т.е. истинный Закон, а не искаженный жрецами. — А.В.). Ибо Писание говорит: «Моисей был на горе и постился сорок дней и сорок ночей и принял завет от Господа, скрижали каменные, написанные рукою Божиею» (Исх. 31:18). Но они (иудеи), обратившись к идолам, лишились его...

Соделаемся духовными, будем храмом совершенным Богу (а не будем уповать на Иерусалимский храм. — А.В.)...”

(Посл. Варнавы, IV).

“...Он (духовный Христос. — А.В.) имел явиться во плоти и обитать в нас, так как, братия мои, обителище нашего сердца есть святой храм для Господа”

(Посл. Варнавы, VI).

“А обрезание, на которое надеялись иудеи, отменено. Ибо Он заповедал обрезание не телесное, а они преступили Его заповедь; потому что злой ангел обольстил их. Пророк говорит к ним: «вот что говорит Господь Бог ваш» — и здесь я нахожу [новую] заповедь — «не сейте на терния, обрежьтесь Господу вашему» (Иер. 4:3-4). А это значит: «обрежьте грубость сердца вашего, и выи вашей не ожесточайте» (Иер. 7:26). И еще: «вот говорит Господь: все народы не обрезаны и имеют крайнюю плоть; а этот народ не обрезан в сердце» (Иер. 9:26).

Ты скажешь: народ иудейский обрезывается для запечатления завета. Но обрезывается и всяк сириянин, и аравитянин, и всяк жрец идольский: а ужели и они принадлежат к завету Божию? Обрезаются и египтяне!”

(Посл. Варнавы, IX).

Понятно, что подобные антиветхозаветные идеи были несовместимы с доктриной, возобладавшей впоследствии в церкви, о её будто бы преемственности от «ветхозаветной церкви». Кумранские

свитки, свидетельства Иосифа Флавия и даже самой Библии доказывают, что никакого однородного иудаизма, никакой такой «ветхозаветной церкви», от которой можно было бы нечто наследовать, — не существовало. Известно, что основой ветхозаветной ортодоксии являлись саддукеи. Только из них ставилось священство Храма, а фарисеи были в некотором роде внешним сектантским умозрящим и скорее — оппозиционным движением. Саддукеи исповедовали, судя по Иосифу Флавию, совершенно иные религиозные принципы, чем фарисеи, и не признавали книг фарисеев. Даже «Деяния апостолов» сообщают, что «саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое» (Деян 23.8). О саддукейской религии (основе ортодоксии евреев) очень мало известно, и с разрушением Храма *саддукейский иудаизм* и их тексты канули в небытие. Кумраниты и ессеи отличались и от саддукеев и от фарисеев, отвергая книги и веру тех и других. Какой же «ветхозаветной церкви» наследовало христианство? Неужто фарисейско-талмудической? Церковные богословы, в целях самосохранения и противостояния величию античной философии, ухватились за практику изоляционизма иудеев, за их надменное отношение к «языческому» (т.е. нееврейскому) миру, истолковали по-своему еврейские тексты (найдя чуть ли не на каждой странице сообщения о Христе) и выдали подобный мифологизированный иудаизм за факт истории. Но такого вероучения никогда не существовало. В результате церкви пришлось расстаться с текстами, подобными Посланию Варнавы, ибо их авторы, как и кумраниты, полагали распространенный во времена Иисуса *саддукейский иудаизм* нечестивым, а *фарисейский иудаизм* — лживым. Библиотека же, обнаруженная в Наг-Хаммади, показала, что среди христиан существовали сильные антиветхозаветные настроения, и невозможно однозначно утверждать, какие из настроений доминировали в первые века христианства: про- или анти-иудаистские.

Экзегеты победившей церкви вынуждены были объяснять, каким образом ап. Павел осуществлял церковное строительство среди язычников. Ведь Павел должен был кем-то приниматься в незнакомых ему городах. Либо его принимали евреи (или прозелиты), либо, в силу того, что Павел был посвященным¹, — последователи Пифагора и Платона, в основном — эллины. Победившая церковь приняла концепцию проповеди Павла в первую очередь в си-

¹ См. в нашем Приложении 2 свидетельства Талмуда об Ахере (Элише), а также «Деяний» об обучении Павла у Гамалиила.

нагогах и во вторую — среди язычников. Но мы уже говорили, что Павел в еврейских кругах считался отступником, сам он крайне негативно относился к ветхозаветному Писанию и обычаям¹, и, напротив, будучи посвященным, он должен был скорее найти радушный прием и помощь среди «мудрствующих». О невозможности христианской проповеди среди соотечественников (и в синагогах) свидетельствуют даже «Деяния», сообщающие, что Стефана за его антиветхозаветную проповедь иудеи забили камнями (Деян 7.59). То же самое происходит и с Павлом, который после аналогичной расправы выжил лишь чудом (Деян 14.19). Мирное сосуществование иудеохристиан (Петра и пр.) с соотечественниками могло быть достигнуто только при условии безупречного следования иудейскому обычаю, в том числе религиозной обрядности. Если бы вдруг кто-либо из иудеохристиан попытался тогда на, так сказать, *канонической территории раввинов* провести идеи церковного христианства об Иисусе-Богe, его бы тут же казнили. Например, Иустин, обращаясь к римлянам, писал: «Они (иудеи-ортодоксы. — А.В.) обращаются с нами, как с врагами, как будто между нами война, убивают, мучают нас, когда могут, так же, как и вы сами делаете»². Не в пример последователям Петра, положение общин, исповедовавших *мистическое иудеохристианство*: назареев и эбионитов, оказалось особо тяжелым. С одной стороны, их чуждались еврей-ортодоксы, с другой — они сами избегали язычников и соотечественников. Они вели замкнутый образ жизни и остались чужими церквям апостола Павла и даже впоследствии были признаны еретиками. Иначе говоря, назареи и эбиониты ни в каком всемирном распространении христианства не участвовали.

Но Иаков, Петр и Иоанн — лидеры *мирского иудеохристианства (иудействующие)* — должны были пойти на глубокий компромисс с фарисейским иудаизмом, чтобы их деятельность среди соплеменников не закончилась скорой расправой. Вероятно, это была вера в человека-Иисуса, но это явно не было Христианское Учение об отношении между человечеством и Богом, о пребывании

¹ Павел, например, пишет: «Но что для меня было преимуществом (принадлежность к еврейскому народу, иудейским обычаям и Ветхому Завету. — А.В.), то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор (σκωβαλα, досл. «навоз», «испражнение». — А.В.), чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от [ветхозаветного] закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Фил 3.7-9).

² Иустин. Апология, I.31.

Христа в сердце каждого человека. По большому счету, подобный компромисс иудействующих христиан с синагогой был прямым отступлением от христианства. Это было противоестественное приспособление Учения Христа к иудаистской доктрине, против которой Иисус выступил. Против такого извращения христианской веры яростно протестовал Стефан и погиб, забитый камнями, став первым христианским мучеником. Этим первомучеником мог бы стать Петр, но он, как сообщает Евангелие, вместо этого трижды от Христа отрекся. Получается, что первый христианский мученик, Стефан, отдал свою жизнь не за проиудаистскую доктрину поздних церковных богословов, а за проповедь неприемлемости ветхозаветного иудаизма для последователей Христа. Если верить трактату «Тольдот Иешу», Петр до конца жизни в глазах иудеев оставался правоверным и уважаемым раввином (законоучителем), тогда как Павел был объявлен еретиком. Сегодня трудно понять, как удалось приспособить одну к другой доктрины Павла и Петра. Ведь Петр преспокойно проповедовал в Иерусалимском храме, а Павла за его проповедь толпа схватила, вытащила из Храма и хотела убить (Деян 22.22). После этого, сообщают «Деяния», Первосвященник и еврейские старейшины перед римскими властями обвинили Павла в том, что он «язва общества, возбудитель мятежа между Иудеями... который отважился даже осквернить Храм» (Деян 24.5-6). Покушения на жизнь Павла за его проповедь со стороны евреев случались и ранее, но ничего подобного не сообщается о Петре. Апологетам Римской церкви, взявшим для престижа имя «Петр» (*кифа*, т.е. «камень», будто бы на котором Христос основал Церковь), понадобились серьезные ухищрения, вплоть до исправлений текстов, чтобы представить Петра разделяющим христианство Павла. Но, как мы показали выше, сохранилось достаточно свидетельств в апокрифической и даже в канонической литературе, свидетельствующих об их непримиримом доктринальном антагонизме.

2. Раннехристианские авторы о Ветхом Завете

Среди раннехристианских произведений высказывания против ветхозаветного наследия встречаются гораздо чаще, чем их можно обнаружить после IV – V вв. – времени укоренения догмата о богодухновенности Библии.

В письме элину, приписываемом христианскому апологету *Иустину Философу* (II в.), объясняется характерное отличие веры христиан от веры иудеев. Из него мы узнаем, что иудеи за-

блуждали в коренных догматах и уложениях Моисеева Закона, которые вроде бы заповеданы самим Вселенским Иеговой в, казалось бы, почитаемой христианами Библии. Были попытки объяснить эту резкую критику Иустина тем, что им критикуется не сама *форма*, которая будто бы предписана евреям Священным Писанием (Богом), а только их чрезмерная увлеченность ею. Однако автор письма обличает и *форму*, отождествляя её с нечестивыми языческими обычаями, рука об руку идущими с идолопоклонническим *содержанием*. Автор пишет своему корреспонденту:

“Далее ты, как я полагаю, жаждешь услышать прежде всего о том, почему христиане не почитают Бога наподобие иудеев. Хотя иудеи и воздерживаются от вышеупомянутого идолослужения и совершенно верно считают достойным почитать и именовать Владыкой только Бога всей вселенной, но в том, что они почитают Его подобно вышеупомянутым идолослужителям (подобно греческим жертвоприношениям. — *А.В.*), они заблуждаются. Ведь то, что элины, являя признак безумия, преподносят бесчувственным и немым [идолам], иудеи считают нужным доставлять Богу, словно Он в этом нуждается, и, разумеется, творят скорее глупость, чем богопочитание. Ибо Сотворивший небо и землю и все, что на них, и Подающий нам то, в чем мы нуждаемся, Сам не нуждается ни в чем из того, что Он доставляет людям, полагающим, будто это они нечто Ему дают. А те, кто приносит Ему жертвы «кровью и туком» и всеожжениями [как это делают иудеи] и думает, что одаривает Его этими почестями, ничем, на мой взгляд, не отличаются от людей, оказывающих те же знаки почтения бесчувственным идолам:

те преподносят видимость почестей тем, кто не способен их принять, а эти — Тому, Кто ни в чем не нуждается!

А что касается их привередливости в пище, и суеверия о субботе, и бахвальства обрезанием, и притворства с постом и новомесечием ¹, вещей смешных и вовсе недостойных упоминания, тут ты, я полагаю, не нуждаешься в моих пояснениях. Ведь в первом случае они из созданного Богом на пользу людям принимают одно как созданное на благо и отвергают другое как бесполезное и излишнее — что же это, как не беззаконие? В другом случае они клеветуют на Бога, будто Он запрещает в субботний день делать что-либо хорошее — что же это, как не нечестие? А в третьем они бахвалятся, будто уменьшение плоти ² есть свидетельство избран-

¹ *Новомесечие* — у иудеев праздник появления на небе Луны. Объявление даты наступления праздника было почетной и ответственной обязанностью Синедриона. — *А.В.*

² Обрезание. — *А.В.*

ничества, будто бы из-за этого особенно любимы они богом — ... недостойно [ли] это насмешки...” (Посл. к Диогниту, 3-4)

(Христа) Он послал к людям. Но для чего же? Чтобы угнетать, ужасать и приводить в трепет, как мог бы кто-нибудь подумать?... (Он) послал (Христа) для спасения и убеждения, а не принуждения, ибо принуждение не присуще Богу. Послал призвать людей к Себе, а не преследовать их, послал любить, а не судить... Он не возненавидел нас, не отверг и не злопамятствовал, но был великодушен, терпел, миловал, Сам принял на Себя наши грехи, Сам Собственного Сына отдал во искупление за нас” (7-9).

Последнее заявление трудно истолковать иначе, чем противопоставление, с одной стороны — Иеговы Библии, а с другой — Бога-Отца Евангелия.

Раннехристианский апологет *Афинагор* (177 г.), прибегая к авторитету мудрости самых известных философов-греков, доказывает, что невозможно богов, обладающих именами и выступающих персонажами известных мифов-легенд, — этих племенных и местных покровителей (возможно, Планетарных Гениев) — принимать за Вседержителя:

“Еврипид, например, недоумевает по поводу тех, кого невежественное общее мнение называет богами.

Уж коли был бы Зевс-отец на небесах,
Его б избавил от ужасной участи ¹.

Он не усматривает у этих богов (у Высшего Бога Еврипида. — *А.В.*) сущностей, которые бы обозначались именами («Не знаю ничего о Зевсе, кроме самого слова (Бог?)»)” (*Предстательство*, 5).

Т.е. Высшее — не есть *сущность*, обладающая, как прочие сущности (в том числе полубоги, Силы и пр.), отличительными признаками — размером, цветом и т.д. Его характеризует не более чем наименование, которое само по себе — абстракция, не подразумевающая за собою ничего определенного (конкретного), подобно слову «Бог». В разных языках ему предпосылается разное наименование, но все они обозначать могут одно и то же, т.е. — *Абсолют*. *Абсолют* ² — это не *существо*, а *сущее*. Афинагор цитирует

¹ Еврипид. Nauck., 900.

² Христианские богословы крайне недолюбливают определение Всевышнего как *Абсолют*, усматривая здесь покушение на человечность и личность Иисуса Христа, который по вероучению церкви также Бог. В нашей работе мы показываем, что даже ряд дошедших до нас раннехристианских апологий не отождествляет

вопрос Платона: «Что́ есть вечно сущее и не имеющее происхождения, а что́ — становящееся, но отнюдь не сущее?»¹ (Афинагор, 19). Но в противоположность сказанному о Всевышнем всевозможные пантеоны или племенные покровители (Гении) выглядят совсем иначе. Афинагор продолжает:

“(Еврипиду) вторит и Софокл:

Один, поистине один великий Бог,
Воздвигший небо и всю ширь земли.

...Филолай, говоря, что вселенная как бы заключена Богом в темницу, доказывает лишь, что Он — один и выше вещества. Так же учат Лисид и Опсим²... Платон говорит: «Творца и отца этой вот вселенной найти нелегко, но даже найдя, невозможно высказать вслух»³, имея в виду единого, невозникшего, вечного Бога” (Там же, 6).

Афинагор поясняет, что Платон вовсе не понимает Космос за божество, а видит в нем только «благозвучный инструмент с ритмически колеблемыми {струнами}».

“...Платон (говорит)...: «Какое небо мы и назвали космосом, так как оно причастно многим божественным свойствам от Отца, хотя и приобщилось тела. Вот поэтому-то и невозможно для него стать не подверженным изменению (как Единому Богу. — А.В.)»⁴” (Там же, 16).

Таков космос, делает вывод Афинагор, таковы и так называемые боги, но не Отец всего.

Предположим, Афинагор питал симпатии к платоно-пифагорейской философии, отсюда проистекает его неприятие иудейского антропоморфного культа. Но и другой раннехристианский апологет *Татиан* (трактат написан до 172 г. н.э.), с жаром набрасывающийся на греческую премудрость и разносящий в пух и прах Пифагора, Платона и Аристотеля, тем не менее говорит о Всевышнем как о не имеющем имени (!), словно нарочито забывая *Иегову* еврейского Писания (см. *Слово эллинам*, 4). Вполне разделяя общецерковные догматы (см. 6; 13; 14; 25), т.е. демонстрируя традиционные для церкви взгляды, он тем не менее громит идолопоклонст-

ствяет человека-Иисуса со Вселенским Всеобъемлющим Богом, ибо такое отождествление крайне нефилософично (нетеологично).

¹ Платон. Тимей. 17d.

² Лисид и Опсим — ранние пифагорейские философы.

³ Платон. Тимей. 28с.

⁴ Платон. Полит. 269d.

во греческого деградировавшего культа, не многим, особенно в части жертвоприношений, отличающееся от храмового иудейского обычая:

“...Неименованного Бога нельзя подкупать, потому что Того, Кто не нуждается ни в чем, не должно представлять нуждающимся” (4); “Зачем мне чтить богов-мздоимцев, которые гnevаются, если не получают?... И зачем бесчестите Его творение? Закальвa-ешь овна — и ему же поклоняешься, телец на небе — а ты забива-ешь его образ” (10).

Но ведь Ветхий Закон от иудеев требует именно *закальвания овна* и *агнца*, а если этого не случится, или вдруг жертвы достанутся иному божеству, то, согласно Библии, неминуем «гнев Господен»:

“Повели сынам Израилевым и скажи им: ...вот жертва, которую вы должны приносить Господу: два агнца однолетних без порока на день, во всесожжение постоянное; одного агнца приноси утром, а другого агнца приноси вечером... А в субботу (день Сатурна. — *А.В.*) [приноси] двух агнцев однолетних без порока... сверх постоянного всесожжения... И в новомесячия ваши (день новой Луны. — *А.В.*) приносите всесожжение Господу: из крупного скота двух тельцов, одного овна и семь однолетних агнцев без порока... И одного козла приносите Господу в жертву за грех” (Чис. 28:2-15).

Даже *Филон Александрийский* (20 г. до н.э. — 40 г. н.э.), знаменитый еврейский философ, патриот и защитник евреев, предпринявший титанические усилия для сближения иудаизма и платонизма, о субботе заявляет как о дне отдыха только для Бога, а не для людей: «Моисей в законодательстве часто говорит как о субботе Бога (Исх. 20:10 сл.), а не людей... ибо если уж говорить правду, то отдыхает среди сущего одно, а именно, Бог» (О херувимах, 87)¹. Но и подобный отдых, по Филону, вовсе не есть безделие (ср. с ортодоксальной *Субботой* раввинов): «отдыхом он (Моисей) называет не праздность, потому что по природе созидательная Причина всего... никогда не останавливается...» (там же). Филон, будучи практически единственным источником наших знаний о *терапевтах* (еврейской монашеской общине, родственной кумранитам), о которых он восторженно отзывался, рассказывая об их жертвоприношениях и служении Богу, вероятно, выражает общий для терапевтов и кумранитов взгляд. Филон высмеивает щепетильность

¹ Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М., 2000. С.131.

жрецов в отношении качества приносимого в жертву животного (чтобы было без порока), тогда как души приносящих остаются «изъязвлены тяжкими болезнями... то есть те, кто добровольно и сознательно несет на себе скверну, несмотря на это, дерзают священнодействовать, полагая, что око Бога видит только внешнее» (там же, 96-97).

Ветхозаветные иудеи почитали Иерусалимский храм как *Дом Бога*. И.Ш.Шифман предполагает, что «библейская параллель (Агг. 1:8-11) показывает, что мифологема строительства храма (после возвращения евреев из Вавилона)... была связана в Переднеазиатском Средиземноморье с мотивом преодоления засухи, которая ниспосылается божеством из-за отсутствия храма:

“Поднимитесь-ка на Гору, и принесите дерево, и постройте Дом, и Я буду благоволить к нему, и прославлюсь, — сказал Йахве.
— Обращайтесь ко многому, а бывает мало; и принесете домой, а Я развею это. За что? Слово Йахве Воинств: за Мой Дом, который разрушен, а вы хлопчете каждый о доме своем.
Поэтому вам Небеса не дают росы, а земля не дает урожая её. И Я призвал засуху на Страну, и на горы, и на хлеб, и на вино, и на масло, и на то, что выращивает земля, и на человека, и на скотину, и на всякий ручной труд” (Угаритский эпос) ¹;

“Почему вы завистливо смотрите, горы горбатые? Эту Гору пожелал Бог, чтобы быть его жилищем, и Йахве поселился <там> навечно!” (Пс. 68:17);
“Построить построил я Дом — обитель Тебе, строение, чтобы было жилищем Твоим навечно” (1 Цар. 8:13) ².

Какие бы мотивы в действительности ни лежали в строительстве Храма, однако ясно, что укоренившееся на заре христианской эпохи представление иудеев о Храме как о «Доме Бога» — примитивно языческое. Филон Александрийский резко критиковал это заблуждение соотечественников:

“...ради того, чтобы облагодетельствовать наш род, Ему (Богу) какой нужно приготовить дом? Может быть, из камня или

¹ Шифман И.Ш. Введение // О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. М., 1999. С.47-48.

² Цит. по: Шифман И.Ш. Комментарий // О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. М., 1999. С.182-183.

дерева? Ни в коем случае! Да и сказать-то такое нечестивость! Ведь даже если вся земля внезапно превратится в золото или во что-нибудь еще более ценное, чем золото, и затем целиком пойдет в работу мастерам, которые сделают из него [храмовые] портики и пропилены, залы, вестибюли и сами храмы, то и тогда она не сможет стать даже основанием для Его ног. А достойный Бога дом — это годная к Его приему душа. Называя, стало быть, невидимую душу земным домом невидимого Бога, мы будем говорить справедливо и законно” (О херувимах, 99-101).

О нелепости представлений, будто Бог гневлив, что он, подобно человеку, проливает слезы, радуется, карает, злопамятствует, говорит один из столпов и зачинателей египетского монашества *Антоний Великий* (ок. 253 — ок. 356). Пустынник учит:

“Бог благ и бесстрастен и неизменен. Если кто, признавая благословным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает, однако ж, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвращает, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним (о чем говорится в Священном Писании. — *А.В.*); то на сие надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается: ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, что Боже-ству было хорошо или худо (что и вызывает ответные гнев или радость. — *А.В.*) из-за дел человеческих ¹... (Мы) делаясь злыми — становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи не попускают Богу возсиять в нас, с демонами же мучителями (они нас) соединяют” (Наставл.о добр.нравств., 150 ²).

Об отсутствии имени у Бога и о ненужности ему жертв говорит раннехристианский автор *Аристид* (ок. 132 г.):

“У Него нет имени, ибо всё, что имеет имя, принадлежит к твари” (Аполог.1.5) (перевод с сирийского);

“Сам Он не имеет имени, ибо каждый, кто имеет имя, со-здан и сотворен другим” (1.5) (перевод с древнеармян.);

“В Нем нет ни гнева, ни ярости... Он не требует жертвы, ни возлияния и ничего из видимого. Ни от кого ничего Он не требу-

¹ Но для простецов (обывателей и начинающих) Антоний говорил иначе, например: «Кто не будет исполнять прописанного, тот подвигнет Бога на гнев. Я, Антоний, истину тебе говорю» (Устав..., 248. // Добротолубие, т.1, с.115). Но как мы понимаем, под «гневом» понимается нечто иное, как сказали бы индусы — кармическое, то есть обретение неблагих последствий от собственных деяний, но никак не в результате волевых действий Бога, побуждаемых эмоционально неуравновешенным состоянием или аффектом (гневом).

² Добротолубие. Т.1. М., 1993. С.90.

ет, но все живущие нуждаются в Нем” (1.5) (перевод с сирийского);

“У Него нет ни гнева, ни злобы, ибо нет в Нем ослепления... У Него нет ни в чем нужды, ни в хвалах, ни в жертвоприношениях, ни в дарах. И Ему не нужно ничего из того, что есть в видимых творениях, ибо Он исполняет и удовлетворяет нужды всех” (1.5) (перевод с древнеармян.).

Об отсутствии имени у Бога, что с неизбежностью ставит под сомнение культ Иеговы как Вселенского Бога, пишет раннехристианский апологет Минуций Феликс (сер. II – нач. III вв.):

“И не ищи другого имени для Бога: Бог – Его имя. Тогда нужны слова, когда надо множество богов разграничить отдельными для каждого из них собственными именами. А для Бога Единого имя Бог – выражает всё. Если я назову Его отцом (речь идет об имени нарицательном. – *А.В.*), ты будешь представлять Его земным; если назову царем, ты вообразишь Его плотским; если назову господином, ты будешь о Нем думать, как о смертном. Но откинь в сторону все прибавления имени и увидишь Его славу” («Октавий», XVIII)¹.

Духовный провидец *св. Макарий Великий* (300 – 390 гг.), сглаживая душераздирающие подробности кровавого ветхозаветного культа, сравнивает, с одной стороны, Иерусалимский рукодельный храм, а с другой стороны – храм в сердце человека как глубоко отличающиеся религиозные начала, когда только в последнем, но никак не в первом, обретается Христос. При этом Макарий применяет к ветхозаветному Писанию термин «тьень», а «ветхий закон», данный Иеговой, объявляет неспособным врачевать душевное (*а тогда какое?*) начало, ибо закон Иеговы, читай: «закон ветхозаветной Библии», как пишет Макарий, «не имел жизни»:

“Там обложенный немощею иерей входил во Святое (в Святую Святых Храма. – *А.В.*), принося жертву за себя и за народ: здесь (в Новом Завете. – *А.В.*) истинный Архиерей – Христос однажды вошел в нерукотворную скинию, к горнему жертвеннику и готов у просящих Его очищать и оскверненную совесть... Как тень не исправляет служения и не врачует немощей: так и ветхий закон не мог врачевать душевных язв и немощей; потому что не имел жизни... Ибо и сама душа наименована храмом и жи-

¹ Минуций Феликс. Октавий // Сочинения древних христианских апологетов / Составление, общая редакция, перевод с древнегреческого, введения, комментарии А.Г.Дунаева. СПб., 1999. С.244.

лицем Божиим, и невестою царскою... И когда душа твоя будет в общении с Духом, и небесная душа войдет в душу твою; тогда совершенный ты человек в Боге, и наследник, и сын” (Беседа 32.5-6).

Из сказанного с неизбежностью следует вывод, что если Храм Иеговы (как, впрочем, и любой иной храм сам по себе) и закон Иеговы были неспособны врачевать, то, значит, в них не было Христа (жизни), значит, они оставались обычными языческими предприятиями, ибо здесь *духовное* связывалось с *конкретно-материальным*: жертвенником, «Святая Святых» и пр., а сам Иерусалимский Храм назывался иудеями — «Домом Бога». Пророки Писания все же чаще говорили не о *каменном доме*, а о *сердце*. Христиане именно *сердце* называли «домом Бога».

Наконец, о поклонении ветхозаветных иудеев вовсе не Богу, а земным стихиям (духам стихий) совершенно прямо заявлял *Климент Александрийский*:

“Не поклоняйтесь Богу так, как это делают евреи, считающие, что только им одним ведомо Божество, и не замечающие, что вместо Бога они поклоняются ангелам, архангелам, Луне и месяцам” (Strom. VI.5).

О том, что иудеи поклонялись демиургу, властвующему лишь над четверицей материальных стихий (земли, воды, огня и воздуха), но не над миром духовным, полагали неоплатоники, последователи Ямвлиха, Сириана и Прокла¹. Юлиан доказывал, что Йахве — племенной бог, имеющий отношение лишь к иудеям. Трудно понять, в чем было преимущество родоплеменного Бога евреев, покровительствующего исключительно только евреям, перед Богом какого-нибудь другого племени? Но так ли христиане относились к имени Йахве, как это делали ветхозаветные иудеи? Предположим, Иисус Христос выступил за отмену культовых обычаев иудеев (что, впрочем, не всеми христианами признавалось, особенно евангельскими Петром, Иаковом и Иоанном, почитавшими кошер, обрезание и синагогу). Но о десакрализации имени Иеговы вроде никто еще из христианских богословов не заявлял. И тем не менее имя еврейского Бога христианами фактически отвергнуто, ибо ста-

¹ «Последователи Ямвлиха, Сириана и Прокла считают его <Божество, почитаемое иудеями> демиургом чувственного космоса, именуя его богом четверицы стихий» (Lydus, De Mensibus, IV, 53. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.321).

ло писаться на греческом и латинском, и произноситься совершенно иначе: *Иегова* вместо *Йахве* и т.п. Именно вывод о десакрализации напрашивается после прочтения отрывка из Оригена, который приводится ниже. Ко всему прочему Ориген обращает внимание, что при вызываниях (произнесении имени) вовсе не Бог производит ответное взыскиваемое действие, а *сам заклинатель* приводит в движение некие *Силы* (энергии). Но ведь подобные вызывания есть традиционная среди языческих народов магия. Ориген пишет:

“По вопросу об именах нужно сказать еще и то, что, по свидетельству людей, обладающих искусством заклинаний, одна и та же заклинательная формула ($\epsilon\lambda\varphi\delta\eta\nu$) на отечественном языке производит именно то, что она обещает, тогда как переведенная на всякий другой язык она уже не производит никакого действия и оказывается совершенно бессильной. Следовательно, не в самих предметах, обозначаемых именами, а в свойствах и особенностях звуков заключается та внутренняя сила, которая производит то или иное действие. Итак, мы всегда будем защищать христиан, которые решаются, скорее, умереть, чем назвать своим богом Юпитера или дать ему одно из тех имен, которые существуют для него в других языках” (Против Цельса, I.XXV).

То есть христиане, по Оригену, вопреки иудейской Библии (и даже Евангелия) вообще не употребляют никакого имени Всевышнего, ни на греческом, ни на еврейском. А как же они называют Бога? —

“Они исповедуют (своего Бога) или просто общим неопределенным именем — Бог, или же присоединяют к этому названию еще добавление: «виновник всех вещей. Творец неба и земли, прославший человеческому роду вот тех-то и тех-то мудрых мужей»: имена этих мужей у людей и имеют известную силу, если они связываются с именем Божиим... И если уже Платон заслуживает удивления... (высказавшийся) в «Филебе»: «мое благоговение перед именами богов, Протарх, немалое ¹», то насколько более тогда мы будем ценить благочестие христиан, которые Творцу мира не дают никакого имени, употребительного в мифологических измышлениях?» (Против Цельса, I.XXV).

Относим ли мы десакрализованные в христианстве имена еврейского Божества к «мифологическим измышлениям», как это

¹ Речь у Платона идет о почитании не имён Всевышнего, а имён Его помощников, таких, как, например, в христианстве — Архангелы и пр.

считал Ориген, или считаем их значимыми и благочтимыми, но не настолько, чтобы обозначать ими Всевышнего, для нас важно, что из рассуждений Оригена однозначно следует, что христиане не должны принимать *никакие имена* для обозначения Всевышнего, будь то на еврейском, египетском, сирийском, индийском, греческом или еще на каком-либо языке, не говоря об использовании данных имен в магических целях.

Все вышесказанное подводит нас к важному выводу: если в представлениях ессеев, кумранитов и ранних христиан допускалось существование разных божеств и если они чувствовали, что вокруг Иерусалимского храма с его кровавыми жертвоприношениями, стяжанием богатства и чехардой первосвященников ¹ происходит нечто противоположное *истинному* (с их точки зрения) богочуждению, то они вполне могли отличать Бога, которому поклонялись сами, от божества, которому возносились благоухания сожигаемых животных прочими иудеями. Здесь идет уже спор не о «значении слов», а о самом *существовании* религии. Из вышеприведенных отрывков, из поучений и объяснений столпов христианства с очевидностью следует, что в раннехристианской церкви отнюдь не думали, что древние иудеи поклонялись Богу христиан. Тот же Ориген, несмотря на его критику гностического тезиса о противоположности Отца Христа и Иеговы Ветхого Завета, тем не менее писал о подлинных заветах Моисея и истинном Боге Моисея, отличных от иудейских:

“Иисус есть Сын Того же Самого Бога, который даровал закон [Моисею] и послал пророков. И мы, которые являемся членами церкви, нарушили не Закон (изначальный. — *А.В.*), но отвергли лишь только иудейские басни, умудряясь и воспитываясь на таинственном созерцании Закона и пророков. Да и сами пророки научали нас, что одним только внешним простым рассказом о событиях, одним только текстуальным и буквальным выражением Закона не исчерпывается весь его смысл... Ужели в самом деле было безбожно то, что Он (Иисус Христос) оставил телесное обрезание, телесную субботу, телесные праздники, телесные новомесечия, не стал различать чистого (кошерного. — *А.В.*) от нечистого (трефного. — *А.В.*) и, взамен всего этого, направил ум в сторону Закона Божия...” (Против Цельса, II.VI).

“Иисус... уничтожил совершенно веру в земных демонов, которые находили себе услаждение в курении фимиама, в кровавых возлияниях и в туке жертвенных животных и, подобно ми-

¹ См. «Кумран и Христос».

фическим титанам или великанам, отвлекали людей от познания Бога. Будучи вне всякой опасности со стороны этих (демонов), которые угрожают своими кознями вообще всем добрым (существам), Он даровал законы, которые даруют счастье всем, живущим сообразно с ними. И теперь мы более уже не нуждаемся в том, чтобы умилостивлять демонов жертвами; напротив, мы от глубины души презираем их..." (Против Цельса, IV.XXXII).

"Теперь же (после Иисуса Христа) бесчисленное множество верующих, хотя и не все могут по порядку и ясно раскрывать духовный смысл (закона Моисеева), но, однако, все имеют убеждение, что не должно понимать в телесном смысле ни обрезания (т.е. Моисей не обязывал евреев уродовать свое физическое тело. — А.В.), ни субботнего покоя, ни пролития крови скота, ни рассказа о том, что Бог давал наставления Моисею касательно всего этого. И такое понимание дается всем без сомнения, силою Святого Духа" (О началах, II.7.2).

Понимание Оригеном того, что иудеи извратили Моисеев Закон, распространенное не только на предхристианские времена, но и на времена «от начала», подчеркивается его характеристикой ветхозаветных евреев, разительно отличающейся от позднецерковной:

"...Бог с очевиднейшею ясностью дал знать о Своем присутствии среди евреев... (далее Ориген приводит множество примеров. — А.В.), и, несмотря на все эти обстоятельства, Он не обрел Себе веры у тех, которые были очевидцами этих событий. Если бы они уверовали в Того, Кого они видели и слышали, то они не слили бы себе тельца (во времена Моисея. — А.В.), не променяли бы славу свою на изображение вола, ядущего траву¹, не сказали бы друг другу, показывая на тельца: *вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!*² И посмотри, не остались ли иудеи и теперь точно такими же! Несмотря на столь великие чудеса и столь очевидные явления Бога, они еще ранее в продолжение всего своего странствования по пустыне пребывали неверными, как мы узнаем об этом из их Закона. И после чудесного пришествия в мир Иисуса они также не преклоняются перед Его могущественными речами, перед Его удивительными деяниями, которые Он совершал на виду у всего народа. И я думаю, что этих фактов достаточно для желающего доказать, что неверие иудеев относительно Иисуса вполне соответствует тому, что об этом народе было написано еще в древние времена" (Против Цельса, II.LXXIV-LXXV).

¹ Пс. 105:20.

² Исх. 32:4.

Общецерковный взгляд на чисто национальное, а отнюдь не мировое назначение иудейской Библии выразил Иоанн Дамаскин (ок. 680 — 780) в «Точном изложении православной веры»:

“(Бог повелел иудеям чтить субботу не случайно). Бог, зная грубость, привязанность к плотскому и вообще пристрастие к вещественному народу Израильского, а вместе с тем и (его) нерассудительность, (дал этот закон)... Суббота была посвящена Богу для того, чтобы в этот день упражнялись в этом занятии (т.е. в чтении Писания) и чтобы те, которые не посвящают Богу всей жизни (т.е. иудеи. — *А.В.*), которые служат Господу не из любви, как Отцу, но как неблагодарные рабы, уделяли Богу хотя бы малую и незначительную часть своей жизни и (делали бы) это хотя бы из-за страха ответственности и наказаний за нарушение (заповеди). Ибо *праведнику закон не лежит*, но неправедному (1 Тим 1.9).

(Доказательством этому служит) прежде всех (как праведник, свободный от обязательств субботы) Моисей, который, в течение сорока дней и еще других сорока в посте предстоя пред Богом, без сомнения, и в субботы изнурял себя постом, хотя закон повелевал не изнурять себя постом в день субботы. Если бы возразили, что это было до закона, то (в таком случае) что скажут об Илии Фесвитяnine, совершившем сорокадневный путь при однократном вкушении пищи? Ибо он, изнузивши себя не только постом, но и путешествием в субботы этих сорока дней, нарушил субботу; и Бог, давший закон о субботе, не прогневался на него, но как бы в награду за добродетель явился ему в Хориве. А что еще скажут о Данииле?...

Итак, как я сказал, (для иудеев) ради отдохновения с Богом, чтобы уделяли Ему хотя бы самую незначительную часть времени и чтобы успокоились раб и осел (беспрерывно понуждаемые к работе. — *А.В.*), установлено было соблюдение субботы для тех, которые еще (несознательные) младенцы, для *порабощенных под стихиями мира* (Гал 4.3), для плотских и не могущих ничего понять, что выше тела и буквы... Мы (христиане) уже более не рабы (подобно иудеям), но сыны, не под (ветхозаветным) законом, но под благодатью...

Вот это заповедает нам духовный закон Христа, и соблюдающие его делаются выше закона Моисеева (1 Кор 13.10). Ибо когда пришло совершенное, и *еже от части прекратилось* (1 Кор 13.10), когда покрывало (ветхозаветного) закона, т.е. завеса, было разодрано через распятие Спасителя, и когда воссиял Дух огненными языками, то буква была отвергнута, телесное прекратилось, и (ветхозаветный) закон рабства кончился, и нам дарован закон свободы...

Отсюда нам (христианам), ходящим по духу, а не по букве, свойственно всяческое отложение (отказ от) плотского, служение духовное и единение с Богом. Ибо обрезание (наставленное Йахве. — А.В.) есть *приобретение*¹ телесного удовольствия и всего излишнего и не необходимого, потому что крайняя плоть есть не что иное, как кожа, излишняя для испытывающего удовольствие члена. Всякое же удовольствие, которое, не от Бога и не в Боге, есть излишек удовольствия, образом чего является крайняя плоть. Суббота же (наставленная иудеям Моисеем) есть покой от греха”².

Но можно ли во всех частях доверять Писаниям народа, в котором столь сильны были так называемые языческие атавизмы? Церковь утверждает, что Христос пришел, чтобы установить новый Закон. Ориген также заявляет, что

“(Иисус) совершил нечто более великое (нежели Моисей): Он на основании уже образовавшегося общественного строя и отеческих обычаев, на основании условий жизни, сложившихся по известным нормам закона, осмелился ввести новый строй общественной жизни по законам Евангельским” (Против Цельса, II.III).

Ориген утверждает, что это произошло не потому, что основы Предвечного Закона устарели. Было бы странным говорить, что нетленное (духовное) в Учении, переданное Совечным через Моисея, вдруг оказалось до завершения земного мироустройства тленным. Вовсе нет. Христос в Нагорной проповеди учит: «Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф 5.18). Согласно Оригену, Христос ничего не отменял из истинного Закона, но, напротив, иудеи уже *очень давно* извратили духовный смысл наставлений и заповедей Моисея. Ориген говорит, что Христос пришел наставить людей не в новом Законе (как это стали уверять позднее церковные богословы), не ради отмены старого, но для очищения непреходящего и вечного, а также для придания нового импульса, требующего в новые времена новых *форм*. Согласно Иустину Мученику,

“[ветхозаветный] Закон был наложен Богом из-за жестокосердия евреев, но являлся шагом назад по отношению к первонач-

¹ В тексте *отложение*, что является ошибкой переписчиков (см. далее по тексту). — А.В.

² Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 4.23.

чальному порядку, восстановленному Евангелием” (Диалог с Трифоном иудеем);

“...Бог повелел вам хранить субботу и возложил на вас другие заповеди, как я уже сказал, за грехи (*adikias*) ваши и отцов ваших” (там же).

Ориген говорит, что апостолы и другие окружавшие Иисуса Христа при жизни ученики, будучи с детства воспитанными в иудейском обычае, не смогли бы вместить всей истины Откровения и не обрели бы веры в Христово учение. Аналогичное наблюдалось в кумранских повествованиях об *Учителе Праведности*. Поэтому ученикам при земной жизни Учителя евангельская весть давалась в форме загадок-притч и поучений, обернутых в ветхозаветные одежды, тогда как обнаженная истина была явлена позднее (см. библиотеку открытых гностических текстов в Наг-Хаммади, наши Приложения 5 – 9).

Но если Евангелие не противоречит старому Закону, ибо «ни одна черта не пройдет из Закона, пока не исполнится все», то и Моисей не мог учить человеконенавистничеству и расовой исключительности, возобладавшей в ветхозаветном Писании. Значит, *Закон Отца*, или Завет, существовал во все времена, среди разных народов, а значит — *для всех людей*, не для одних лишь иудеев. Согласно догматическому богословию, учение Христа отличается от ветхозаветного Закона внешними чертами, и прежде всего тем, что Бог облекся человеком и власть передал Церкви, а не синагоге. По Оригену же, учение Христа разительно отличается от всего того, что проповедовалось в Иерусалимском храме и в синагогах, но не новым ритуалом (т.е. не внешними чертами), а духовным внутренним содержанием, очищенным от извращений и наслоений веков.

В своем исследовании «Кумран и Христос» мы показали, подробно описав эпоху царя *Александра Янния* — век до н.э., что религиозные представления иудеев и культ *Йахве* не особенно сильно изменились к моменту появления христианских церквей-общин. Как до, так и после Распятия Иисуса иудеи продолжали поклоняться своему национальному Богу — *Йахве*, которого, конечно, нет оснований отождествлять с *Отцом Небесным* Иисуса Христа. В общепринятом смысле, так, как это понималось ранее и понимается сейчас, — ранние христиане, ессеи и кумраниты по отношению к иудаизму — были еретиками и сектантами, одни — менее, другие — более выраженные. Но если видеть в части ессеев, в кумранитах и в христианах лиц, сознательно поклонявшихся ино-

му Богу, то есть не по имени, а по сути, то ни о каком сектанстве речи быть не может. Если это еще не новая религия, то уже *зачатки новой религии!* Сектантами называют раскольников, которые откалываются от основной части ради частичных новшеств. Но у якобы «отколовшихся» от иудаизма последователей Христа в действительности наблюдались не частности, а кардинально иное мировосприятие, но главное — *другой Бог!*

Ориген, несмотря на почитание некоторых ветхозаветных пророков, отнюдь не отождествлял «местного» иудейского Йахве и Вселенский Абсолют.

В разъяснении о невозможности связывать внекачественного и неизменяющегося Бога с конкретным ограниченным пространством Ориген фактически касался темы предстояния в ветхозаветном антропоморфном культе евреев и поздних самаритян не перед Богом, а перед «тенью» (будем ли это понимать здесь буквально или фигурально), или, как учил Климент Александрийский, — перед *Силами*. Ориген пишет:

Женщина самарянка “согласно с общим мнением самарян, думала, что Богу должно поклоняться на горе Гаризим¹. Самарянка, принимая Его (Иисуса Христа) за иудея, спрашивала у Него, должно ли поклоняться Богу в Иерусалиме или же на этой горе, и говорила так: «Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме» (Ин 4.20). Итак, по поводу подобного мнения самарянки, которая думала, что, вследствие преимущества телесных мест, или иудеи в Иерусалиме, или самаряне на горе Гаризим не совсем правильно и законно поклонялись Богу, Спаситель и ответил, что желающий следовать Господу должен оставить предрассудок относительно преимущества мест, и в данном случае говорит так: «настанет время, когда не на горе сей, и не в Иерусалиме будете кланяться Отцу; Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин 4.23-24)... В самом деле, *те, которые поклонялись Богу в Иерусалиме, служили собственно тени или образу и, следовательно, почитали Бога не истиною и не духом. Точно так же почитали Бога и те, которые поклонялись на горе Гаризим* (курсив наш. — А.В.)” (О началах, I.1.4).

Из вышеприведенного отрывка следует, что ни иудеи, ни самаритяне, ни кто бы то ни было другой, привязанные к конкретному

¹ Гора *Гаризим* самаритян, так же как и *Храмовая гора* в Иерусалиме, носила одинаковое имя — *Мория*. Самаритянка спрашивала Иисуса, где же правильнее поклоняться Богу — на одной или на другой одноименной горе.

месту поклонения, не обращались в своих каменных храмах к Богу, но молились его тени. В другом месте Ориген пишет:

“Они (фарисеи)... думали что Он (Иисус Христос) говорит о каменном храме (который Христос обещал разрушить в три дня. — *А.В.*), которому иудеи воздавали *более чести, чем истинному храму Божию (курсив наш. — А.В.)*, который есть Слово, Мудрость и Истина, которому надлежит честь” (Против Цельса, II.X).

“Я, со своей стороны, добавлю еще (к мнению Гераклита и персов. — *А.В.*), что и Зенон Киттейский¹ в своем произведении: «О государстве» подтверждает то же самое, когда говорит: «строить храмы нет никакой нужды: то, что делается ремесленниками и составляет произведение рук, нельзя почитать священным, достойным чести и святым». Итак, ясно, что относительно данного пункта учения писанием Божиим написано в сердцах [всех] людей, как именно нужно поступать” (Против Цельса, I.V).

Но кому же евреи, по мнению Оригена, поклонялись? Надо думать тому, кто относится к классу *Сил* и *полубогов* (даймонов природы), поскольку в другом месте Ориген пишет:

“...Вот почему демоны (даймоны), витающие по земле и почитаемые за богов теми, которые не были научены о природе демонов, и желали через своих поклонников воспрепятствовать распространению учения Иисуса. Ведь они (даймоны) ясно видели, что в данном случае и каждения, и жертвенные туки, которыми они привыкли услаждаться, должны уничтожиться, если только учение Иисуса одержит верх... Мы веруем, что всё это (храмы и статуи) более прилично демонам (даймонам), которые — я собственно не знаю почему — были прикреплены к определенному месту, может быть потому, что они (даймоны) его добровольно избрали, или потому, что принуждены были держаться его, привлеченные сюда известными суеверными обрядами и искусством заклинания... Они (даймоны), говорит Он (Христос), — злые духи, которые избрали себе место для обитания исключительно на земле, потому что они и не могут прикоснуться к чистейшим и Божественным обителям, куда не досягают грубые материальные частицы земли и всё бесчисленное зло, присущее ей” (Против Цельса, III.XXIX; XXXIV; XXXV).

“...Все боги язычников суть демоны сластолюбивые², которые домогаются жертв и крови и всех прочих жертвенных приношений, и что именно эти демоны стараются обольстить и обма-

¹ *Зенон Киттейский* (ок. 340 — 260 гг. до н.э.) — основатель стоической философии.

² Пс. 95:5.

нуть тех, которые имеют прибежище не к Богу, Господу всяческих, и не в Нем полагают свою надежду. Христиане в то же время знают, что святые и небесные Ангелы Божии совсем иной природы и настроены совсем иначе, чем все эти демоны, витающие по земле и известные только исключительно меньшинству, — именно тем, которые одарены особой бдительностью и проницательностью разума, чтобы познавать существо этих (демонов) (т.е. только духовидцы. — *А.В.*). Так как они (христиане) все это знают, то и возражают особенно настойчиво против всякого, кто желает приравнять Иисуса к Аполлону или Юпитеру, или какому другому из тех богов, которых можно умолюбить туком, кровью и жертвами” (Против Цельса, III.XXXVII).

Аналогичный взгляд о поклонении иудеев Силам («ангелам»), то есть второстепенным, подчиненным существам, выражал древнехристианский апологет Аристид. В «Апологии» он писал (до 132 г.)¹:

“Однако и они (иудеи) впали в заблуждение в отношении правильного понятия [о Боге]². Они полагали своим умом, что служат Богу, но [судя] по роду (характеру) их дел (действий) (жертвоприношений? — *А.В.*), у них было служение ангелам, а не Богу, ибо они наблюдали субботы и новомесячия, и опресноки, и великий <день>³, и пост, и обрезание, и чистоту в пище — чего они никогда вполне не соблюдали” (14. 4, пер. с древнесир.).

“Но оказавшись безрассудными и неблагодарными (после Моисея? — *А.В.*), они часто служили предметам языческого культа и убивали посылаемых к ним пророков и праведников” (14.4, пер. с древнегреч.).

“Прочие же народы (по сравнению с христианами) заблуждаются и вводят в заблуждение других, повергаясь пред стихиями мира, так как умственный взор их не желает возвыситься над стихиями” (16.7, пер. с древнесир.).

Подобное негативное отношение к земным храмам (как и к их обитателям) было, надо думать, общераспространенным в древнем христианстве. Например, христианский апологет Минуций Феликс (сер. II — нач. III вв.), собственно, далекий от любви к греческой премудрости, свойственной Оригену, тем не менее излагает то же самое:

¹ Дунаев А.Г. Предисловие к Апологии св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. С.277.

² Букв.: в отношении ясной (точной) истины. — Примеч. пер.

³ День очищения, Йом Киппур.

“Думаете ли вы (римляне), что мы (христиане) скрываем предмет нашего богопочитания, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек, правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не может вместить Его? И если я, человек, люблю жить просторно, то (тем более. — А.В.) как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо? Не лучше ли содержать Его в нашем уме, святить Его в глубине нашего сердца? Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Он произвел для моей же пользы, чтобы подвергать Ему Его собственный дар? Это было бы неблагодарно, напротив, угодная Ему жертва — доброе сердце, чистый ум и незапятнанная совесть. Посему, кто чтит невинность, тот молится Господу; кто уважает правду, тот умилоствует Бога; кто избавляет ближнего от опасности, тот закаляет самую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святилища Богу; у нас тот благочестивее, кто справедливее (а не тот, кто ревностнее исполняет внешний культ. — А.В.)... Каким образом Бог далек от нас, когда всё небесное и земное, и всё находящееся за пределами этого видимого мира, всё известно Богу, всё полно Его присутствия? Он повсюду и не только близок к нам, но и находится внутри нас... Мы не только всё делаем пред очами Бога, но, так сказать, и живем с Ним” («Октавий», XXXII) ¹.

Если Бога связывают с конкретным земным материальным местом, то, согласно древнехристианским авторам, это — не *истинный* Бог, а какой-то иной. Стремление «почитать» *непосредственно* Божество, т.е. некое существо в его «земном доме» (конкретном храме), а не *образ* Бога (изображаемый, например, на иконах), — все это есть общеизвестный признак идолопоклонства, хотя в данном случае и без овеществленного предмета поклонения. Таким образом, почитание Бога «не истиною и не духом», как называет верования ветхозаветных иудеев и самаритян Ориген, должно с очевидностью означать поклонение какому-то иному, *тени, заместителю*, но не истинному Богу. В Евангелии данное божество названо вполне определенно *геенной* и *диаволом*. Христос говорит:

“...Делаете его (нееврея, обращенного в иудаизм) сыном геенны, вдвое худшим вас” (Мф 23.15);

¹ Минуций Феликс. Октавий // Сочинения древних христианских апологетов / Составление, общая редакция, перевод с древнегреческого, введения, комментарии А.Г.Дунаева. СПб., 1999.

“ Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего... Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня... Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи” (Ин 8.38-44).

Из сказанного можно сделать вывод, что Бог пророков и Христа, с одной стороны, и бог Иерусалимского храма, с другой стороны, в раннем христианстве просвещенными христианами понимались совершенно разными, антагонистичными.

3. Гностицизм о Ветхом Завете

Ириней Лионский в главах XXX – XXXI своего труда «Против ересей» изложил идею гностиков (систему офитов) о происхождении нашей планеты, её божества, человечества и Ветхого Завета. Мы приводим изложение этого учения¹ с нашими комментариями (курсив в круглых скобках) в той его части, которая имеет прямое отношение к нашему исследованию.

В непознаваемой Глубине пребывает Первичный Свет (Primum Lumen), Безграничный, Непостижимый, Отец всего сущего, именуемый Первым Человеком (Primus Homo). Ему присуща Мысль Его, называемая также Его Сыном и Вторым Человеком. Наконец, третье проявление Непознаваемого Божества – Дух, именуемый Первой Женой и Матерью всего живущего (Prima Foemina, mater viventium)²; Дух носится над бездной бесформенного материального начала (ср. Быт. 1:2), образующего Воду, Тьму, Глубину и Хаос (*под этими наименованиями можно разуместь первичные протоэлементы материи, над которыми носится недоступное воображению проявление Божественной Животворной Силы, держащей в Себе все потенции творчества*).

Первый Человек и Предвечный Сын Его, радуясь красоте Духа-Жены, озарили Ее Своим Светом; из этого сочетания явился новый Нетленный Свет, именуемый также Третьим Человеком и Христом. И Христос вместе с Матерью-Духом соединился с Высшим Первоначальным Источником Света, с Неизреченными Отцом и Сыном, и вместе они образовали «Высшую Церковь» (Sancta

¹ Комментарии и изложение текста в основном взяты из кн.: Николаев Ю. В поисках Божества. Киев, 1995. (Перепечатка с издания 1913 г.).

² В еврейском языке *дух* («*руах*») женского рода.

Ecclesia), т.е. собрание всех непознаваемых потенций Божества, полноту Божественной Сущности.

Но когда Превысшие Отец и Сын вступили в общение с Духом (*субстанция Духо-Материш. — А.В.*), то переполнили Собой Духовную Сущность (ибо полнота Непостижимого Божества далеко превышает все потенции Божественной Творческой силы и не вмещается ими). И Духовная Сущность (*Духо-Материя. — А.В.*), переполненная Неизъяснимым Светом, произвела тогда не только Одного Христа, немедленно слившегося с Божественным Первоисточником: из Нее пролился Божественный Свет, как из наполненного через край сосуда, и озарил низшую бездну — первичный хаос материи, в которой вызвал брожение жизни. (*Другими словами, из полноты познавшей Себя Божественной Сущности исходит первое проявление творческой силы, имеющей способность создать вселенную, но полнота Божества пребывает при этом неизменной, превыше всякого познаваемого проявления или творческого акта*).

Частица Предвечного Света, коснувшаяся хаоса, привела в созидательное движение (*т.е. в брожение*) воду ¹ и создала себе из нее тело (*т.е. живую материю с ее потенциями вместо бесформенного хаоса стихий*). Это — Мировая Душа, именуемая Премудростью (София) и Мужеско-Женским Началом — *Пруникос*. Произведя мир, она оказалась сама в заключении в созданной ею материи, ибо частицы хаоса, приведенные ею в движение, страстно стремились к ней и, прильнув к ней, отягощали ее. Но низший космос все же не мог удержать ее, частицу Высшего Божественного Начала: сперва ей удалось создать из своей материальной сущности небесную твердь, как грань между познаваемым миром и областью Непостижимого Света; затем, окрепнув в своем ненасытном стремлении к Высшему Свету, она совершенно освободилась от материи и отложила свое змеобразное тело, «образ водяного естества» (*aquatilis corporis tyrum* ²). Тело же, оставленное ею, именуется *женою от жены* (*foeminam a foemina*): здесь подразумевается пассивная материя, ожидающая творческого воздействия.

¹ *Вода* — как первоэлемент, с которым связаны такие признаки, как холод, влажность, текучесть. Не путать с конкретным земным веществом, например, с водой в озере.

² Водное естество и его обычный символ — *змея* — здесь означают материю, уже одухотворенную принципом жизни, уже вступившую на путь эволюции органических сил.

Но от временного сближения Премудрости-Пруникос с бездной хаоса был произведен Сын, оставшийся в низшем мире и не знавший своей Матери, хотя он получил от Нее *дыхание нетления* (*aspirationes incorruptelae*), т.е. частицу Божественной Эманации. Этот Сын, называющийся Ильда-Баоф¹ (Ἰλδαβαοφ), есть Творческое Начало, т.е. космическая сила, направляющая эволюцию материи (*лунно-земную эволюцию*. — А.В.). Он производит из себя, без матери, из воды (*т.е. из материи, приведенной в брожение творчества*) сына Иао (Ἰαω), через которого производит Саваофа и далее в последовательном порядке Адоная, Элоя, Орея и Астафея. Все эти имена заимствованы из ветхозаветных наименований Бога или из иудейской каббалистики, и носители их изображают космические силы, проявляющиеся в эволюции материи. Так создается Седмица (Hebdomas) *Архонтов*, или *Мировых Начал*, управляющих вселенною (*планетой Земля*. — А.В.). Семь мировых начал борются между собой за власть, и из борьбы их (*т.е. из столкновений и сочетаний разных космических элементов*) зарождается материальный мир (*Земли*. — А.В.). Ильда-Баоф, недовольный другими архонтами, в скорби и смятении обратил свои силы в самую глубь материи и родил себе из нее сына — Ум, извивающийся в образе змея. (*Другими словами, Ильда-Баоф, Глава группы низших Элохимов, носитель отблеска Божества, зарождает в материи сознание*). Этот змееобразный Ум всюду пребывает с отцом своим и способствовал тому, что Ильда-Баоф возгордился и вообразил себя Высшим Существом. Итак, шесть (*лунных*. — А.В.) архонтов создали человека огромных размеров, но это создание их ползало по земле, лишенное возможности подняться (*т.е. было лишено духовной сущности*)². Взвизывая на свое творение, он гордо возгласил: «Я Отец и Бог, и надо мною нет иного». Но на слова эти последовал свыше ответ Матери его, Премудрости-Пруникос: «Не лги, Ильда-Баоф, выше тебя есть Отец всего сущего — Первый Человек и Человек Сын Человеческий». Все мировые начала (Архонты) были поражены этим раздавшимся свыше гласом и таинственным откровением. Тогда молвил к ним Ильда-Баоф: «Приидите, сотворим человека по образу и подобию нашему». (Ср.: Быт. 1:26). {*} (*На этот раз был создан доб-*

¹ *Ильда-Баоф* — Планетарный Гений, Глава группы низших Элохимов. — А.В.

² Это была первая неудачная попытка сотворения на Земле человека без помощи Высших Сил. Данный фрагмент, выделенный курсивом, в оригинале ошибочно помещен в более поздний период, период второго создания человека (прежнее место отмечено {*} звездочкой) — А.В.

рокачественный человек) и Ильда-Баоф оживил его, дав ему частицу змеобразного Ума и вдохнув в него «дыхание жизни» (Быт. 11:7) — т.е. частицу Духа, — ту искру Высшего Света, которую сам имел от Матери. Все это совершилось с ведома Матери его — Премудрости, ибо она желала отнять у Ильда-Баофа вложенную в него частицу Божественного Света, провидя в нем намерение восстать на Высшее Божество. Вдохнув в человека Божественную искру, Ильда-Баоф сам лишился ее. А человек, получив частицу Божественного Света, познал и прославил Высшую Божественную Сущность и отверг создателей своих — Ильда-Баофа и других архонтов. *(Другими словами, в человеческом сознании впервые проясняется идея Божества, находящегося выше космических Сил).*

Ильда-Баоф, познав, что сам лишился Искры Божества, задумал отнять ее у человека и с этой целью создал жену *(это значит, что пробуждение низших инстинктов должно было отвлечь человека от созерцания Божественного Начала, от стремления к Богу)*. Но Пруникос — Высшее Мужеско-Женское Начало и Премудрость — не дремлет и успевает лишить жену той стихийной силы, которую вложил в нее Ильда-Баоф *(т.е. Божественное Начало, заложенное в человеке, одерживает верх над его низшими страстями и телесной похотью)*. Архонты дают жене имя Евы, восхищаются ею и рожают с ней сыновей — ангелов. Но Высшая Мать — Премудрость, желая освободить человека — Адама и жену Еву от власти миродержителей, старается восстановить их против Ильда-Баофа и других архонтов и с этой целью посылает в рай Ильда-Баофа (царство Ильда-Баофа) змея, которому поручено уговорить первых людей преступить заповеди своих создателей. Змею удастся склонить Еву, а через нее и Адама, к вкушению от запретного древа, т.е. к неповиновению Ильда-Баофу. Вкусив же от плодов древа познания, люди уясняют себе Сущность Высшего Божественного Начала и совершенно отрекаются от своих земных создателей — архонтов. Разгневанный Ильда-Баоф изгоняет мужа и жену, а также змея, в низшие сферы. Но Божественный Свет не может пребывать в таком унижении, и поэтому частица его, покинув людей, возвращается к Высшему Первоисточнику; Адам же и Ева, отягощенные материей, остаются беспомощно блуждать в низшем мире. От змея же, разделившего их участь, рождаются в низших сферах шесть сыновей, составляющих вместе с ним седмицу духов низшего мира, соответствующую седмице миродержителей-архонтов. Эти низшие духи, или демоны, относятся враждебно к человеческому роду и вечно мстят ему за то, что их отец по вине людей подвергся изгнанию и унижению. *(Другими словами, стра-*

сти и потребности, рожденные умом, тяготяют человека в низшем мире страстей).

Адам и Ева до своего изгнания в область низших стихий имели почти бесплотные, невесомые тела. Но, став жертвами космических сил, они погрязли в материи, плоть их стала грубеть и приняла существующий ныне вид телесной оболочки: это — те «кожаные одежды», которыми, согласно Библейскому тексту (Быт. 3:21), прикрылись Адам и Ева после изгнания из рая. Материя окончательно поработает человека, лишённого искры Божества. Но Высшая Премудрость-Пруникос проникается состраданием к униженному человеку и ниспосылает ему *благоухание орошения света* (*odorem suavitatis humectationis luminis*); люди познают, что они наги (т.е. поработаны низшими страстями), что они носят в себе смерть, — но в то же время в них пробудилось воспоминание об истинной духовной сущности, и они почерпнули утешение в сознании, что падение их временно и что освобождение их от власти материи и всего плотского неминуемо.

Далее, в изложении Иринейя, следует своеобразное изъяснение библейских сказаний, сперва о Каине, Авеле, затем о Сифе и т.д. От последнего и сестры его Нореи — дочери Адама и Евы — происходит весь род человеческий, всецело подпавший под власть (низших) космических сил. Но интуитивное искание иного, Высшего Божественного Начала не покидает людей и возбуждает их к неповиновению Ильда-Баофу и к нарушению его мировых законов. В гневе на весь род людской Ильда-Баоф хочет его истребить без остатка посредством потопа, но Высшая Премудрость-Пруникос спасает Ноя и его род, свыше оросив их Светом (*т.е. она оберегает в человеке отблеск Божественного Света и не дает ему погибнуть в пучине низменных страстей*). После этого Ильда-Баофу удается подчинить себе хоть небольшую часть рода человеческого, заключив договор с одним из потомков Ноя, Авраамом. Объявив себя опять Богом Единым, он обещает Аврааму отдать ему и роду его всю землю, если Авраам и чада Авраамовы будут ему поклоняться и охранять его культ. И потомство Авраамово действительно служит ему, называя его Богом-Иеговою.

Среди потомков Ноя Ильда-Баоф избрал себе Авраама и вступил с ним в завет, что «он даст ему, если его семья постоянно будет ему служить, землю в наследие». Потомки Авраама были выведены из Египта и благодаря Моисею получили Закон. У них были установлены семь дней в соответствии со священной седмицей архонтов, каждый из которых имел пророков для своего прославления и проповеди. Эти пророки принадлежали к царству Ильда-

Баофа. Высшая же Премудрость имела своих пророков, которые возвещали о первом человеке и горнем Христе, чье пришествие ожидалось (*т.е. существовало две школы пророков – йахвисты и элохисты. – А.В.*). Таким образом, иногда среди этих пророчеств проскальзывали указания на истинную сущность Божества, на Первого Человека и соприсущего ему Христа; то было следствием особых внушений Высшей Премудрости, незримо оберегавшей человечество от полного подчинения силам (архонтам Ильда-Баофа). По Ее же внушению Ильда-Баоф, не ведая, что творит, произвел в мире двух людей: одного от неплодной Елизаветы – Иоанна, другого от Девы Марии – Иисуса.

Тогда Премудрость-Пруникос, вечно жаждавшая полного слияния с Высшей Сущностью Божества и полного освобождения от низшего космоса (хаоса), воззвала к Предвечной Матери, Первой Жене (т.е. св. Духу, см. выше), моля о помощи для полной победы над мировыми началами. Мольба Ее была услышана: из Высочайшей Божественной Сущности отделился Христос и сошел в мир, пройдя через семь мировых сфер, причем Своим прохождением через них Он лишал их отблеска Божественного Света (ибо все частицы Света устремлялись к Нему и льнули к Нему). Сойдя в низший мир, Христос соединился с сестрой Своей Премудростью и вместе с Нею вселился в человеке Иисусе, рожденном от Девы и заранее приуроченном Премудростью, как чистый сосуд, для восприятия частицы Божества, так что мудростью и чистотой Он превосходил всех людей. Когда же совершилось в Нем слияние Божественного и человеческого естества, Иисус Христос стал властвовать над материей, творил чудеса, открыто возвещал Неведомого, Непостижимого Отца и называл Себя Сыном Человеческим, т.е. Сыном Первого Человека – Непознаваемого Божества. Ильда-Баоф и другие архонты хотели погубить Его, и стараниями их был распят человек Иисус, но Христос и Премудрость перед этим покинули человеческую оболочку и вернулись к Нетленному Свету Божества, предоставив Иисусу пострадать, умереть на кресте и сбросить окончательно узы плоти; по смерти же его Христос воскресил его духовную и душевную субстанцию, и она, в образе воскресшего Иисуса, в течение восемнадцати месяцев являлась апостолам и ученикам, беседуя с ними и открывая наиболее достойным глубочайшие тайны бытия. Остальные же ученики (апостолы), не достигшие высшего познания, тоже зрели воскресшего Иисуса Христа, но полагали, что Он воскрес с земным Своим телом: им не было ясно, что воскресения плоти быть не может, что «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор 15:50).

По прошествии же 18 месяцев Иисус Христос был взят на небо (*т.е. пневматическая субстанция Его отошла в Высшую Духовную Сущность*). И Он сидит одесную¹ Ильда-Баофа и продолжает собирать в Себе все частицы Божества, находящиеся в мире и в человеческих душах: к Нему стремятся все Божественные искры, рассыпанные в человеческом сознании, и как бы сливаются с Ним. Таким образом, Ильда-Баоф постепенно лишается блеска Божества — разлитой в мире духовной сущности. И конец мира наступит тогда, когда в Иисусе Христе соберутся все рассыпанные в душах искры Божества и вместе с Ним отойдут в Божественную Сущность, когда все «орошение Духа Света» (*tota humectatio Spiritus Luminis*) будет собрано и вернется к Первоисточнику Света; мир же будет предоставлен низшим космическим силам (*т.е., лишенный Божественного сознания и воли, мир вернется к состоянию хаоса*)².

¹ *Одесную* — по правую руку. Речь идет, вероятно, о невидимом «присутствии» Иисуса Христа, когда действующий в материальном мире Демург-Ильда-Баоф, «узурпировавший» место Всевышнего, продолжает осуществлять свою функцию Планетарного управителя, однако незаметным образом в силу уже изменившегося в мире порядка управления планетой всё более переходит под духовное начало горнего Иисуса Христа («Ильда-Баоф постепенно лишается блеска»). Ср.: «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога» (Кол 3.1). — *А.В.*

² Николаев Ю. В поисках Божества. Киев, 1995. (Перепечатка с издания 1913 г.). С.150-155.